

⌚

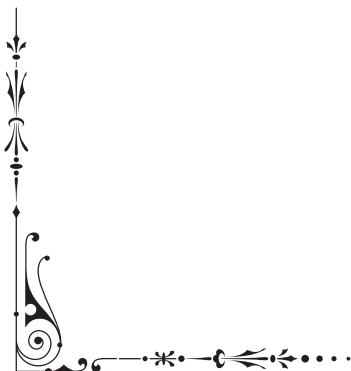
Адвокатская палата Московской области
и семья М.А. Гофштейна выражают благодарность всем,
кто принял участие в создании этой книги и чья память
о Михаиле Александровиче перешагнула границы его жизни.
Особая признательность известному московскому адвокату,
члену АПМО Михаилу Даниловичу Бунину,
поддержка которого сделала возможным издание книги.

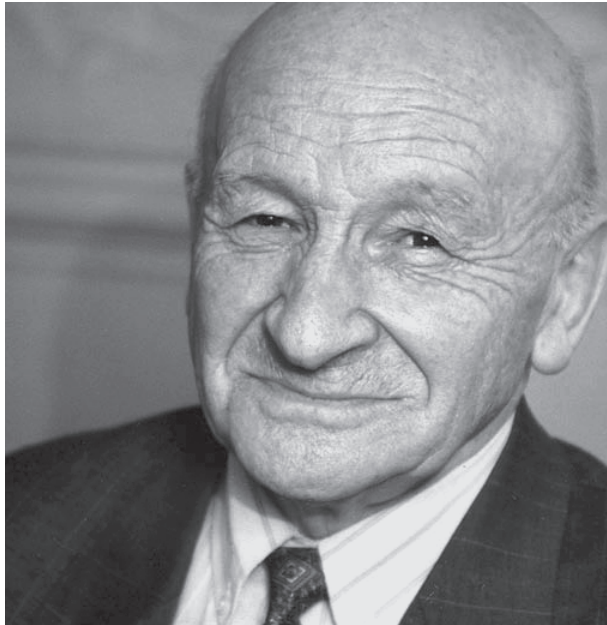

Ушедшая ЛЕГЕНДА

К 90-летию
адвоката М.А. Гофштейна

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОФШТЕЙН

заслуженный юрист РСФСР,
участник Великой Отечественной войны

(1923–2006)

НАГРАДЫ И БЛАГОДАРНОСТИ

Ордена «Отечественной войны» I и II степени

Орден «Красной Звезды»

Болгарский орден «Кирилла и Мефодия» I степени

Медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», за взятие городов, юбилейные медали, медали Польши

Благодарность Министра юстиции

Благодарность Ассоциации советских юристов ССОД

Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени

Золотая медаль им. Ф.Н. Плевако

Нагрудный знак «За верность адвокатскому долгу»

Знак «Почетный адвокат» МОКА

Почетная грамота Исполкома Мособлсовета

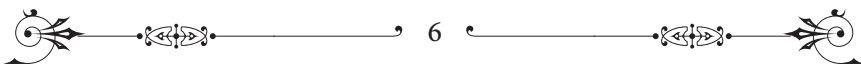
Благодарность Московской городской коллегии адвокатов

Благодарность МОКА

Грамота Президиума МОКА

бронзовый бюст Ф.Н. Плевако

национальная премия — знак отличия «За честь и достоинство»

ВСТУПЛЕНИЕ

Пять лет назад с огромной любовью, безмерным уважением, счастливым трепетом в сердцах мы поздравляли Михаила Александровича Гофштейна со взятием истинно гвардейского рубежа жизни, стены и оборона которого, наверное, круче кёнигсбергских, — блистательным 85-летием!

Замечательный наш друг и учитель... Мы поздравляли его с этой победой, мы поздравляли его, нашего любимого капитана, того самого, с улыбкой, в нечищенных сапогах, в своей обвислой фуражке блином, как он смотрелся на фронтовых фотографиях, и еще — мы бесконечно радовались, что мы и он — рядом!

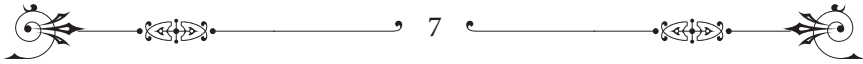
А спустя год, темной декабрьской ночью 2009 года мы разошлись по разным мирам. И сегодня еще трудно представить: нет и не будет рядом с нами человека, ненавязчиво учившего постигать непростую науку борьбы, не отводя взгляда, не пасуя перед, казалось бы, непреодолимыми препятствиями, чувствовать чужую тоску и боль, сопереживать и не жалеть своей души, вкладывая ее в каждый миг этого вечного сражения за Справедливость!

Нам неведомо, что было у него на душе — чувство высшей Справедливости или «Вставай, страна огромная...», когда 18-летним пареньком Михаил Александрович стал курсантом Гвардейского минометно-артиллерийского училища, но то, что вокруг бушевала самая настоящая битва за Справедливость, — это непреложный факт. И то, что его взросление и мужание, начало мужского бытия на Земле прошло через горнило всемирного безумия, — это дорогого стоит!

Последние ракетные снаряды 45-го ушли в цель, вспыхнули победные салюты, и начальник штаба дивизиона «РС», воин и победитель, сел за парту.

Выбор жизненного пути был равен Победе, другого критерия в те годы он и не знал. И это было знаком! Для Справедливости, ибо Михаил Александрович стал адвокатом!

Люди военного поколения, мальчишки, ушедшие в смертельную неизбежность, но вернувшиеся живыми, — удивительно чистые и светлые люди. Грубоватые в словах и жесткие в оценках, познавшие вкус Жизни и Смерти, но не разменивающие душу на игру глазами или пассы руками, они просто делали свое дело, и делали талантливо и вдохновенно. В таких, как Михаил Александрович, есть стержень, вокруг которого вращается Вселенная, и это — мужество противостоять ударам судьбы, стойкость и железная воля, мудрая изощренность мышления и фанатичная принципиальность профессионального поиска.

Светлая Вам память, Учитель, Боец и Друг, дорогой Михаил Александрович!

Михаил Александрович Гофштейн

Мне посчастливилось знать М.А. Гофштейна и общаться с ним. Он родился в 1923 году и в 17-тилетнем возрасте ушел на фронт мальчишкой, а вернулся победителем. До последнего дня Великой Отечественной войны командовал подразделениями реактивных минометов «катюша». Избранному в юности пути защитника М.А. Гофштейн оставался верен до конца — в 1951 году став членом Московской областной коллегии адвокатов и превратившись вскоре в одного из самых ярких судебных ораторов страны. Его отличали глубочайшее понимание Закона и уважение к нему. Для многих поколений отечественных юристов он являлся эталоном, сочетавшим высочайший профессионализм с бескорыстием и редкой способностью ощущать чужую беду как свою собственную. Во второй половине 80-х годов он, единственный из адвокатов СССР, вошел в консультативную группу по оказанию юридической помощи болгарину С. Антонову, обвинявшемуся в покушении на Папу Римского. Вынесенный С. Антонову оправдательный приговор — во многом результат мудрой и убедительной защиты, разработанной М.А. Гофштейном.

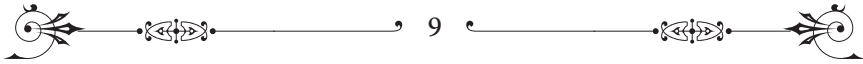
Своей важнейшей обязанностью Михаил Александрович считал воспитание новых поколений юристов. Подавляющее большинство лучших представителей адвокатской профессии с гордостью считают себя его учениками, последователями либо соратниками в деле защиты прав личности от произвола государства.

Те, кому посчастливилось хотя бы раз встретиться с этим замечательным человеком, будут всегда его помнить.

Е.В. Семеняко,
президент ФПА

О Михаиле Гофштейне — с любовью

Не сомневаюсь, что при воспоминании о Михаиле Александровиче Гофштейне у каждого знавшего его адвоката теплеет на сердце. Для всех нас он был Миша. Такой добрый, понимающий, нужный — одним словом, свой. И не было в этом даже налета фамильярности. Просто, в общении с ним как-то исчезала разница в возрасте, сглаживалась иерархия чинов, наград и званий.

Под обаяние Миши я подпал с первой же нашей встречи. Произошла она во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР осенью 1966 года. Я поступил тогда в очную аспирантуру Института по уголовно-процессуальной специальности, а Миша стал в секторе уголовного процесса соискателем.

Об этом походе Гофштейна в науку мало кто знает. Состоялся он, по всей видимости, под влиянием приятеля — Александра Дмитриевича Бойкова, покинувшего адвокатуру и пришедшего в Институт младшим научным сотрудником. Надо сказать, что в то время в секторе мэнээсами без степени трудились также Владлен Борисович Алексеев и Нона Викторовна Радутная. Все они состоялись как ученые и нынешнему поколению юристов известны в качестве грандов процессуальной науки, учителей-профессоров и докторов наук.

В качестве темы кандидатской диссертации Миша избрал свидетельские показания. За год начитал специальную литературу, обобщил судебную практику, осмыслил собственный богатый опыт адвокатской деятельности и выступил со своими соображениями по теме на конференции аспирантов и соискателей. В том числе высказался за введение свидетельского иммунитета для близких родственников обвиняемого. Того самого, который закреплен в нынешней Конституции России и который отсутствовал в советском законодательстве. Последствия оказались неожиданными, во всяком случае, для Миши. На него буквально об-

рушился с уничтожающей критикой профессор Рагинский. О нём несколько слов.

Марк Юльевич Рагинский слыл в Институте ортодоксоохранителем. Некогда главный транспортный прокурор СССР, один из обвинителей на Нюрнбергском процессе и процессе японских военных преступников, он был направлен на покой в Институт, представлял собой как ученый пустое место (докторскую степень ему присвоили по совокупности мелких статей и унылых методичек), но считал своим долгом пресекать любую ересь. А в стране, уставленной на каждом шагу памятниками Павлику Морозову, освобождение близких родственников от обязанности свидетельствовать друг против друга, было именно таковой. Рагинский заклеил Гофштейна чуть ли не как идеологического диверсанта, посягнувшего на основы социалистической законности.

Миша воспринял выступление Рагинского крайне болезненно, растерянно переспрашивал: «Чего это он?» Мне кажется, Гофштейн идеализировал мир науки, противопоставляя его суровой практической жизни. Заблуждался. Сам я неоднократно наблюдал, а позже испытал на собственном опыте, как в ученой среде сжирали неугодных, — куда там прокурорским и судейским. На диссертации был поставлен крест. Наши совместные с научным руководителем Миши — действительно выдающимся процессуалистом — Верой Исааковной Каминской (старшей сестрой прославившейся защитой диссидентов адвоката Дины Каминской) и Бойковым уговоры продолжить диссертационное исследование ни к чему не привели.

Мишу эта история с диссертацией всё же травмировала. Даже много лет спустя, сталкиваясь с очередной девальвацией ученых степеней кандидата, а то и доктора юридических наук, покупкой корочек полными невеждами, он произносил: «Ну защитил бы я диссертацию — тряс ею сейчас как мошной...» С учетом резкого снижения требований к защите диссертаций, в 1990-е — первой половине 2000 гг. склонен был с ним согласиться. Сейчас, правда, скандальная ситуация в науке вроде бы потихонечку выправляется.

А вот Мишины усилия по вовлечению меня в адвокатуру были успешны. В 1982 г. я был вынужден покинуть ВНИИ Прокуратуры СССР, где с учетом очной аспирантуры пробыл 16 лет, по схеме, описанной М.М. Жванецким как «Мы разошлись, причем я побежал». С досады — подстрелили меня на взлете, — занимаясь криминологией, вышел на проблему начинавшей поднимать голову организованной преступности — тут же подал заявление в Московскую городскую коллегия адвокатов, а на деле продолжил научную и преподавательскую деятельность, перейдя во Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции (ныне, Правовая академия). В МГКА, видимо, также восприняли мое заявление как акцию несерьезную — из науки юристы с учеными степенями в адвокатуру тогда не переходили — и не беспокоили.

Так прошло три года. И вот летом 1985 г. мне позвонил Миша и попросил заглянуть к нему в Президиум Московской областной коллегии адвокатов. Состоялась неожиданная беседа с ним и председателем Президиума МОКА Быковым: «Прокуратура РСФСР готовит наступление на московскую адвокатуру. Уже арестованы один наш и один городской адвокаты. Предстоит громкий и конфликтный судебный процесс. Мы посоветовались и решили: хорошо бы, если нашего адвоката, который не признаёт свою вину, защищал новый человек в корпорации, желательно известный юрист. Знаю, что в МГКА пылится твое заявление. Может быть, вступишь в коллегия и поучаствуешь в деле. А дальше посмотришь: не понравится — вернешься в науку».

Вступил. Поучаствовал. Понравилось. С тех пор в адвокатуре. Благодаря тебе, Миша. Спасибо судьбе, что преподнесла мне такой роскошный подарок — долголетнюю дружбу с тобой.

Г. Резник —
президент Адвокатской палаты г. Москвы

Существует легенда, что Ленин об одном из партийных деятелей сказал: «Он только кажется интеллигентом, а на самом деле это хороший человек». М.А. Гофштейн был не кажущимся, а настоящим интеллигентом и в то же время достойным и приятным во всех отношениях человеком.

В 1951 году Гофштейн окончил Московский юридический институт. Поскольку он был членом партии и фронтовиком в звании капитана, награжденным несколькими боевыми орденами, ему предстояло направление в правоохранительные органы. Однако в это время в стране проходила антисемитская компания, в связи с чем его распределили в адвокатуру. Трудно сказать, много ли от этого потеряли суд и прокуратура, но адвокатура и население оказались в выигрыше.

Обладая глубокими правовыми знаниями и постоянно совершенствуя их, М.А. Гофштейн тщательно изучил действующую судебную практику. Это позволило ему квалифицированно защищать и представлять интересы своих доверителей не только в Москве и Московской области, но и в других регионах Союза. Он участвовал в рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел, которые, как правило, имели положительные результаты. Многие сотни граждан благодарны ему за оказанную правовую помощь.

М.А. Гофштейн был известен в широких адвокатских кругах в качестве руководителя, пропагандиста и просветителя от Прибалтики до Дальнего Востока.

Интеллигентность, мягкость, тактичность, разумность — вот далеко не полный, но главный перечень его достоинств.

И последнее. Но уже интимно-потайное, и не о Михаиле Александровиче Гофштейне, а о Мише, близком друге: он любил быть в центре внимания в застольно-питейных беседах, где блистал остроумием и использовал бойкое словцо в анекдотах.

М.А. Гофштейн — один из тех людей, память о которых непреходяща.

Л.В. Ефимов — ветеран Московской областной коллегии адвокатов, Заслуженный юрист РФ

Слово о светлом человеке

Когда в августе далекого 1957 года я после университета пришла в президиум Московской областной коллегии адвокатов устраиваться по госраспределению на стажировку, то сразу обратила внимание на Михаила Александровича Гофштейна.

Небольшого роста, с крупной сократовской головой, он был подтянутым и собранным,. Михаил Александрович умел внимательно слушать, и почему-то еще до его собственных фраз возникало ощущение серьезности и значительности личности этого человека. В общем, уже тогда слова «Гофштейн» и «коллегия» становились синонимами...

Правда, надо заметить, что для юной выпускницы МГУ все старшие товарищи в президиуме, хотя подчас разница в возрасте была не так уж и велика, казались тогда очень взрослыми и серьезными. Впрочем, во многом так, конечно, и было, ведь большинство из них являлись фронтовиками...

Вскоре на стажировке я познакомилась и с адвокатом Клавдией Семёновной Винницкой, однако то, что она жена Михаила Александровича, выяснилось немного позже. Обнаружился и еще один «сюрприз», помогавший общению с этими замечательными людьми, — мы оказались соседями по двору на Русаковской улице! А хлебосольный дом Гофштейна всегда был широко открыт для коллег и друзей. Частенько под выходной он сам приглашал: «Тут Клавдия Семёновна пирогов напекла, приходите!» Или мы с моим мужем адвокатом Владимиром Андреевичем Фомичёвым приглашали их к себе по-соседски на чай.

В дружеских беседах в полной мере раскрывалась необыкновенная эрудиция Михаила Александровича: его глубокое знание литературы, философии, живописи. В своих поездках он всегда старался купить новую картину. Любимым же его поэтом был Борис Пастернак — не самый, мягко говоря, простой автор, однако в исполнении Михаила Александровича он становился близким и понятным.

Особая тема в таких разговорах — война. Она стала самым главным и самым трагичным событием в его жизни. Михаил Александрович много рассказывал о ее горестях, об адских условиях, в которых воевали. Запомнился один его афоризм о том времени: «Война — это когда писем с фронта ждут, но бояться их получить».

«Сколько же осталось там моих друзей, с несбывшимися надеждами, недолюбивших!» — часто повторял Гофштейн. Вместе с тем он неожиданно называл Великую Отечественную самым светлым временем для его поколения. Ведь на войне особая, «обнаженная» любовь к добру и особая, жгучая ненависть к злу, к смерти. Наверное, так мыслить может только светлый человек, каким в полной мере и был Михаил Александрович. День Победы всегда был для него особым днем. Утром он обязательно шел в Сокольники на встречу с однополчанами, а потом праздновал дома, с гостями.

И всегда для него на первом плане стояла работа. Адвокатура была, можно сказать, его дитя, — ее он не только растил, как руководитель, он ею жил. Много лет Гофштейн являлся заместителем председателя президиума коллегии и очень ответственно относился к своей должности: всегда присутствовал на заседаниях, тщательно отписывал все бумаги, внимательно и доброжелательно принимал всех немалочисленных посетителей... К слову, именно Михаил Александрович предложил в свое время кандидатуру Алексея Павловича Галоганова, тогда еще просто молодого перспективного адвоката, на пост председателя президиума МОКА. Сообщество поддержало выбор мэтра, и Алексей Павлович успешно руководил Московской областной коллегией, а теперь он у руля Адвокатской палаты Московской области — со дня ее образования.

К защите доверителей Гофштейн всегда готовился с полной отдачей. На тот период, казалось, для него существовало только то уголовное или гражданское дело, над которым он работал.

К сожалению, слушать выступление Михаила Александровича в процессе мне довелось лишь однажды. Я находилась в одном из подмосковных судов и случайно узнала, что там в этот же день участвует в деле и Гофштейн. Впечатление от его речи было

очень ярким — нет, таких высот убедительности, профессионализма, как у него, достичь больше невозможно... Это чувство постоянно возникало и при воспоминаниях о наблюдении за его работой в суде «вживую».

У Михаила Александровича с Клавдией Семёновной подрастали двое детей, Александр и Евгения, пошедшие затем по стопам родителей.

Шли годы, покорялись новые высоты в профессии и в жизни, отмечались различные события и юбилеи. Но вот на последнем большом юбилее Михаила Александровича — 85-летию — среди родных и близких его сына Саши не было. Он находился тогда в испанской тюрьме под следствием, по ложному обвинению. Надо сказать, что отец никогда не верил в его виновность и держался по-фронтовому мужественно, не высказывая на людях своей боли. Но, конечно, это тяжелое испытание не прибавляло ему сил и здоровья. Как жаль, что он немного не дожил до того момента, когда испанская Фемида вынесла в отношении его Саши окончательный вердикт — «не виновен!»...

Для меня Михаил Александрович Гофштейн остался одним из символов того фронтового поколения, которое научилось и любить, и верить, и ненавидеть, и отрицать, и смеяться, и плакать. Оно научилось ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни и становится обыденным. Его же поколение и он научились ненавидеть фальшь, трусость, ложь, равнодушие, от которых один шаг до предательства. Но он не способен был на это и никогда не мог допустить, чтобы рядом с ним оказались люди, способные на предательство. Светлая память этому светлому человеку!

Впрочем, о таких, как Михаил Александрович Гофштейн, не хочется говорить «был». Он с нами и сегодня. Спасибо ему за всё!

Краснокутская А.И. —
адвокат Московской областной коллегии адвокатов,
лауреат Золотой медали им. Ф.Н. Плевако,
заслуженный юрист РФ

Воспоминания о Михаиле Александровиче Гофштейне

Перебирая наши даты,
Я возвращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты
И в гуманисты в сорок пятом

Д. Самойлов

Я убежден, что не будь М.А. Гофштейна, не было бы такого заместителя председателя МОКА, как адвокат Н.А. Буянский. Ибо никаких предпосылок для моего приема в коллегию не было. Но был М.А. Гофштейн.

В 1973 году я окончил ВЮЗИ. Работу нашел на удивление легко. Меня пригласили в качестве заведующего отделом кадров дважды орденоносного колхоза, который возглавлял дважды Герой Социалистического Труда. По совместительству я должен был выполнять обязанности юрисконсульта. Проработал я там неделю. Запомнилась она мне, как неделя полного безделья. Я приходил на работу вовремя, отмечался у табельщика и сидел за рабочим столом, ничего не делая. Под моим руководством работало три инспектора отдела кадров (женщины). До обеда они тоже ничего не делали, после обеда покупали продукты для семьи. Так прошла неделя. В начале второй рабочей недели меня вызвали к председателю колхоза, и он передал мне исковое заявление. Ознакомившись с иском, я сказал, что он беспорен и истец будет восстановлен на работу, поскольку его уволили без согласия местного комитета профсоюза (в колхозе, кроме колхозников, работала по договору найма группа работников, на которых распространились нормы КЗоТ). Из уст председателя колхоза послышался отборный мат и заявление, что юрисконсульт, который не может выигрывать дела, ему не нужен. На мат я ответил матом, полагаю не менее забористым, забрал из сейфа свою трудовую книжку — карьера юрискон-

сульта закончилась. А ведь обещали трехкомнатную квартиру, через три месяца! А жили мы в то время всемером в двухкомнатной квартире.

Лег на кровать. Прележал две недели. Надо было или возвращаться в седьмой троллейбусный парк, или искать работу. И тут я вспомнил слова Татьяны Поздняевой, которая училась со мной в одной группе и, начиная с третьего курса, работала следователем в Первомайской районной прокуратуре г. Москвы. Как-то она мне сказала: «Коля, тебе надо быть адвокатом; у тебя адвокатский склад ума».

Но я не знал даже, где находится коллегия адвокатов. В 1973 году рядом с входом в метро «Павелецкая — кольцевая» был киоск «Мосгорсправка». Я попросил дать мне адрес Президиума коллегии адвокатов. Меня спросили: «А какой вам? Тут их два». я ответил: «Тот, который ближе к метро».

Был прекрасный летний день. Мне запомнилось, когда я зашел в комнату секретаря: лучи солнца полотнищами проходили сквозь стекло окна. За столом, как я позднее узнал, сидела Ольга Михайловна Шепилюк, она спросила: «Чего тебе?». Я ответил: «Хочу стать адвокатом». Она махнула рукой на дверь соседней комнаты.

Я вошел в комнату и увидел за столом человека с необычайно обаятельным лицом. Это был М.А. Гофштейн. Он задал мне тот же вопрос, что и секретарь, и я так же на него ответил, рассказав, что я окончил ВЮЗИ (при этом старательно подсовывал выписку из диплома, где в основном были отличные оценки). К моему удивлению, на выписку из диплома М.А. Гофштейн почти не смотрел. Он начал задавать мне вопросы, касающиеся моей личной жизни (женат ли, есть ли дети, обеспечен ли жилой площадью, кем работал во время учебы, сколько зарабатывал). А затем он еще раз внимательно посмотрел на меня и сказал: «Пожалуй, мы тебя возьмем». Эти слова стали определяющими в моей жизни. Это потом я уже узнал, что адвокатура — закрытая корпорация, куда можно поступить или по большому «блату» или будучи «адвокатским ребенком». Более того, работая в 70–80-е годы в адвокатуре, я знал многих людей с прекрасным образованием, у которых был стаж

работы в суде, в прокуратуре, в народном хозяйстве, они хотели стать адвокатами, но в коллегиях их не принимали. Долгое время я думал, что я единственный, кто таким образом пришел в коллегиях. Я ошибался. Потом я узнал, что мой пример не единичен. Самое странное, что все «крестники» М.А. Гофштейна оказались хорошими адвокатами. Видимо, он обладал каким-то даром отличать тех людей, которые могут стать адвокатами, от тех людей, которым это не дано.

1977 год. Я вел в Московском областном суде дело Тимофея Ковешникова, обвиняемого по ч. 2 ст. 103 УК РСФСР (убийство при отягчающих обстоятельствах). Во время моего выступления в ВС РСФСР в кассационной инстанции в зале присутствовал Л.И. Фрейдин, который тогда возглавлял комиссию по качеству МОКА. После моего выступления он у меня попросил досье по делу.

Вскоре я пришел в помещение президиума МОКА. Нужно сказать, что в то время президиум для многих молодых адвокатов, и для меня в том числе, был, как второй дом. Многие занимались в кодификации. Там всегда можно было получить совет по сложному делу.

Первым, кого я увидел в Президиуме, был М.А. Гофштейн, который начал меня поздравлять. Он делал это очень искренне, при этом говорил: «Я знал, что из тебя получится хороший адвокат». Я был рад поздравлению, но совершенно не понимал в чём дело. Оказалось, что, изучив досье и выслушав мое выступление в ВС РСФСР, Л.И. Фрейдин рассказал о моей работе по делу на президиуме МОКА. Моя работа ему понравилась. Откровенно говоря, когда он попросил у меня досье, я ожидал скорее разноса.

Впоследствии меня специально вызвали на заседание президиума МОКА с отчетом о проделанной работе по делу Тимофея Ковешникова. Объявили благодарность.

В 70-х годах прошлого века многими молодыми адвокатами, в том числе и мной, коллегия воспринималась, как семья. Атмосферу в коллегиях и в президиуме МОКА создавали участники ВОВ. Это были особые люди. В старину о таких говорили: «Хороши и в бою и в пиру». Прежде всего их отличали любовь к жизни и осознание собственного долга. А Михаил Александрович Гофштейн

своим долгом считал служение коллегии. Это ощущалось в каждом его слове, в каждом его поступке. И если он сказал мне: «Пожалуй, мы тебя возьмем!» — то потому, что считал: это принесет пользу коллегии.

У меня иногда складывалось впечатление, что М.А. Гофштейн всё время наблюдает и за моей жизнью, и за моим профессиональным совершенствованием. Когда в 1987 году на общем собрании Домодедовской консультации меня избрали заведующим (тогда в Советском Союзе всех избирали, включая директоров заводов), М.А. Гофштейн на этом заседании присутствовал...

Я всегда считал, что для МОКА необыкновенной удачей было то, что во главе ее стояли два потрясающих человека — М.П. Быков и М.А. Гофштейн.

В последние годы Михаилу Александровичу Гофштейну было трудно, навалились семейные проблемы. Но, как и раньше, если возникали трудности, я просил совета у М.А. Гофштейна.

Буянский Н.А.
заведующий Домодедовским филиалом МОКА,
лауреат золотой медали им. Ф.Н. Плевако.

Михаил Александрович Гофштейн. Это имя несет в себе много качеств и достоинств: тонкий ум, исключительная человеческая доброжелательность, талантливый, блистательный адвокат.

За годы работы мы нередко сидели вместе в процессах. Как всегда, это было мне интересно: профессионализм юридического анализа, психологическое объяснение совершённого, — и каждый раз я слышала тональность речи, размер, в зависимости от содержания дела. Форма речи была всегда доступна и проста. Адвокат беседовал с судом.

Не случайно, когда впервые в адвокатуре было введено награждение адвокатов Золотой медалью имени Ф.Н. Плевако, адвокат М.А. Гофштейн был в числе первых награжденных в 1997 г. этой высокой наградой, а через 10 лет, в 2008 г., Российская палата адвокатов ввела еще одно почетное награждение — «За честь и достоинство». М.А. Гофштейн был среди самых первых адвокатов, награжденных этим знаком (процедура проходила в Петербурге).

Не могу не сказать, что с честью и достоинством Михаил Александрович начал свою совсем молодую жизнь на фронтах Великой Отечественной войны, откуда вернулся с орденами и медалями. А, став адвокатом, он продолжал свою жизнь в нелегкой борьбе с несправедливыми и нередко ложными обвинениями человека.

Уход из жизни Михаила Александровича Гофштейна — это большая потеря для адвокатуры.

Память об этом замечательном человеке и адвокате будет долгой и светлой.

Т. Лемперт —
адвокат Московской городской коллегии адвокатов
24.06.2011

Он успел!

Нет, не для славы чемпиона
мы вырвались на три версты,
а чтоб упасть освобожденно
в невытопанные цветы!

А. Вознесенский

Он хотел, он мог, он делал! Как мало таких!

Он жил и работал, работал и жил — без помпы, пафоса и желания кому-то понравиться и под что-то подстроиться. Это сложный, но единственный путь быть самим собой и стать легендой, легендой еще при жизни.

Какой он? Как он таким стал? Но главное, как он таким остался? Как смог так много отдать адвокатуре, ничего не ожидая в ответ? Как смог вырастить таких детей? Можно ли дотянуться до планки, которую он поднял для себя и ни разу не приспустил?

Он был прост и блистателен. Он был мудр и наивен. Он был терпелив и неистов. Он был боец. Он умел держать удар и смог передать это детям. Его боготворили клиенты, коллеги, студенты и, конечно, родные — он всем был нужен, интересен и полезен. А он любил и понимал их. Он, бесспорно, умел любить.

Марина Цветаева сказала, что «успех — это успеть!». И он успел! Он прожил долгую, богатую, яркую, но очень трудную жизнь. А главное, он каждый день служил адвокатуре. И это служение поднимало престиж адвокатуры и заставляло всех находящихся рядом задуматься: «Каким быть?» А быть таким почти невозможно. Он завораживающе думал и блестяще рассуждал. Он много знал, невероятно много помнил. И еще он умел давать, отдавать, делиться. Как мало таких!

Он хотел изменять мир — и мир изменялся. И еще он умел защищать! И это было чудо — сочетание работоспособности и таланта, умения нападать и держать удар. Нападать, отступить, опять наступать и бороться, бороться, бороться. Он умел не отчаивать-

ся. Он — Адвокат. Он любил профессию, а не себя в ней. Как мало таких! И адвокатура аплодировала ему стоя.

Он любил молодых, понимал их и верил в них. И эта вера была им нужна. Он умел на своем примере показать, что адвокатура — это жизнь. Он согревал их теплом и вниманием, а еще тем, что было что передавать. И молодые начинали верить в себя, учились думать и принимать решения, а еще они учились задавать вопросы, искать ответы. Они учились жить! Он умел говорить с ними на равных. И еще он умел советовать, направлять и поправлять, и его слушали, он убеждал. И еще он умел ждать отстающих. Как мало таких!

В.М. Шеркер на одной из конференций, посвященных имиджу адвоката, сказал, что «адвокат — это стиль». Вот такой удивительный стиль — жить благородно, правильно и честно, много думать и много работать, вырастить достойных продолжателей традиций, творцов и бойцов — детей и внуков, а еще очень отдавать себя адвокатуре и очень болеть за нее — это и есть особый стиль, стиль М.А. Гофштейна.

Пройдут годы, и этот период станет историей, и новые поколения будут листать ее страницы, как мы сейчас гордимся присяжной адвокатурой. И, листая день сегодняшний, они обязательно скажут: «Была в те годы плеяда блистательных адвокатов, и какое важное место в ней занимал М.А. Гофштейн!» Как здорово, что мы его знали! Как здорово, что ОН УСПЕЛ!

С. И. Володина —
одна из тех, кто всегда будет гордиться тем,
что случайно оказалась рядом.

Военная косточка¹

На школьной олимпиаде в качестве приза он получил красочную книгу «Артиллерия» и, листая страницы, просто заболел «богом войны». В 39-м перешел в девятый класс 181-й школы на Садовом кольце (там сейчас театр кукол Образцова), но затем, к ужасу родителей, подался во 2-ю московскую артиллерийскую спецшколу. А как иначе? Ведь репродукторы и газеты громко призывали: «Молодежь, в артиллерию!» И он, комсомолец Миша Гофштейн, считал своим долгом надеть военную форму.

Незаметно пролетели два года учебы. 19 июня 1941 года его без экзаменов зачислили в московское артиллерийское училище. В воскресенье, 22-го, он, проснувшись, представил, как пройдет по родной Самотёке и как знакомые парни будут завистливо поглядывать на его ладную фигуру в военной форме, затянутую широким похрустывающим ремнем, да еще с пилоткой набекрень. Но мечтания эти прервал голос Левитана — война!

Училище эвакуировали в глубокий тыл — на Урал, под Челябинск. Их первый огневой дивизион готовили по ускоренному курсу — фронт крайне нуждался в младших командирах. Учеба шла днем и ночью. И, промерзая в тоненькой шинельке в жуткие пятидесятиградусные морозы, когда приходилось отрывать от земли тяжеленную станину гаубицы, он ни разу не усомнился в выборе профессии. Силы, казалось, уже на исходе, но в голове отчетливо звучит фраза Суворова, крепко вбитая в сознание отцами-командирами: «Тяжело в ученье — легко в бою». И может, в благодарность за такой стоицизм Господь сделал Михаилу шикарный подарок.

Как-то ночью их взвод подняли по тревоге, повели в артиллерийский парк. На слабо освещенный участок выкатили из укрытия машину с какими-то непонятными приспособлениями в виде железнодорожных рельсов.

---

¹ Статья опубликована в журнале «Российский адвокат» (2008. № 3)

— БМ-13, — пояснил незнакомый инструктор, — оружие совершенно секретное.

И потом, когда курсанты уже изучали устройство и возможности «катюши», их сотни раз предупреждали: если на фронте начнется отступление, машины, чтобы не достались врагу, взрывать. На этот случай в тело установки специально вмонтировали 30 килограммов тола.

В марте 1942-го их произвели в офицеры, и громкое «ура» разорвало тишину близлежащих окрестностей. На следующие сутки Михаил вместе с друзьями уехал на фронт.

...На Украине, под Богодуховым, у деревни Сенное, немцы крепко погнали наши войска. Замыкая отступление, дивизион «катюш» выпустил по наступающим фашистам всё, что было, — хватило только на два залпа. По сути, противник наступал на пятки — их «тигры» уже вышли на окраину деревни.

К счастью, спустились глубокие сумерки. А по ночам немцы, как правило, старались не вести активных боевых действий. Правда, периодически то здесь, то там раздавались взрывы — работала вражеская артиллерия. Но она не помешала нашим войскам отойти в глубь обороны на значительное расстояние. Когда колонна остановилась, лейтенант Гофштейн выглянул из кабины и обомлел... исчезла замыкающая установка.

В кромешной тьме Михаил с ординарцем Сашкой-мордвином пошли назад, изредка подсвечивая дорогу фонариком. От страха в голову назойливо лезла песня:

*Артиллеристы, Сталин дал приказ.
Артиллеристы, зовёт Отчизна нас.
Из сотен тысяч батарей
За слёзы наших матерей,
За нашу Родину — огонь! Огонь!*

Правда, когда заканчивала звучать эта бравурная мелодия, на смену приходили слова отца:

— Если обстановка сложится так, что можешь попасть в плен, лучше застрелись. Почему? Сам понимаешь. Ты ведь не просто еврей, а еще и командир Красной Армии. Вот уж они произведутся.

Всю дорогу Сашка бубнил:

— Куда идем, куда идем...

И пугливо озирался, норовя в любой момент сигануть обратно. Михаил не знал, сколько километров они отмахали, но чутье, словно отлаженный компас, вывело их в нужную «точку» и... они обнялись с Володей Логиновым. Оказалось, большой осколок бомбы разворотил мотор машины, и 18-летний командир орудия остался с тяжелораненой «катюшей». Понимал, помочь ничем не может, но, если бросит установку, — расстрел. Посему сидел на подножке ЗИС-5, обреченно потирая виски.

— Что делать, товарищ лейтенант?

— Действуй по инструкции.

— А кто акт на уничтожение подпишет?

— Я и подпишу, но позднее, а сейчас — взрывавай!

Логинов приладил к установке капсюль-детонатор, растянул бикфордов шнур, спрятался в глубокой воронке и поджег конец. Через секунды мощный взрыв потряс землю. Находившиеся неподалеку немцы переполошились и тут же огрызнулись беспорядочной автоматной пальбой.

...Последние залпы «катюши» под командованием начальника штаба дивизиона 22-летнего гвардии капитана Гофштейна выпустили 2 мая 1945 года. Дело было в Польше, под Гданьском. Разведчики с побережья сообщили по радиции:

— Наблюдаем фашистский десант со стороны моря. Передаем координаты...

Артиллеристы почти прямой наводкой обрушили шквал огня на головы врага.

Михаил Гофштейн демобилизовался в 47-м. Может, он, кадровый офицер, самозабвенно любящий военную службу, никогда бы и не сделал этого (о таких говорят: военная косточка), но...

Он подал документы в Военно-юридическую академию и легко сдал почти все экзамены на «отлично». Казалось, до цели — пустяк, оставалась только география. Вот тут-то и произошло неожиданное. Михаил ответил на все вопросы без запинки, и тогда полковник спросил:

— А ответьте-ка мне, капитан, чем славится Аргентина в военном отношении?

— Да ничем. Ее нахождение на латиноамериканском театре нас совершенно не интересует.

— Ничего вы не знаете, капитан. Половина всех армий мира ходит на аргентинской подошве.

— А я — на советской.

— Вам — тройка.

Это была самая настоящая классическая заказуха — завалить абитуриента с «пятым пунктом». Злосчастная тройка наглухо захлопнула дверь перед молодым офицером в военную юриспруденцию. Его отчаянию не было предела. Воевать, рисковать жизнью в боях за Родину, быть раненым — национальность не мешала, а поступить в академию — не могли! Спасибо, дорогой товарищ Сталин...

Артиллеристы, Сталин дал приказ.

Артиллеристы, зовет Отчизна нас...

Так Михаил Гофштейн ушел на «гражданку» и поступил в знаменитый ВЮЗИ. Здесь же встретил свою единственную и ненаглядную — красавицу Клаву. С ней прожил большую и интересную жизнь. Клавдия Семёновна с Михаилом Александровичем вместе отдали адвокатуре 100 лет. По их стопам пошли и дети — Александр и Евгения. А сегодня эстафету приняли внуки — Дмитрий и Екатерина. Пройдет лет пять-шесть, глядишь, и десятилетний Мишка потянется к адвокатуре...

Мы приехали на полигон в четырежды орденосный артиллеристский полк прославленной гвардейской Таманской дивизии, когда на учениях объявили отбой. Ребята плотной стайкой окружили пожилого мужчину, внимательно, по-хозяйски рассматривающего грозную боевую технику. Многорядные пасти — жерла, взгромоздившиеся на мощные «уралы», чем-то смутно напоминали ему до боли знакомую «катюшу».

— Откуда родом, милоч? — спросил Михаил Александрович стоящего рядом капитана.

— Командир батареи Дмитрий Слюнкин, с Урала.

— Ах ты, Боже мой, с Урала. Я ведь там, брат... — Слёзы затуманили глаза старого солдата.

Звягельский Р.А.—
полковник, главный редактор журнала «Российский адвокат»

М.А. Гофштейну

Как мало великих и как много бездарных адвокатов прошло через жернова правосудия.

Как мало истинных поборников Правды и как много нахлебников видели судейские стены.

Как мало талантливых Адвокатов и как много тех, кто «присосался» к этой древней и мудрой профессии.

Михаил Александрович всегда был первым!

Я не ошиблась, написав слово «Адвокат» с большой буквы.

«Адвокат с большой буквы “А”» относится именно к этому умному, честному, порядочному и безмерно талантливому человеку.

Он много знал и умел, передавая свои знания и навыки другим, за что ему должны быть благодарны его ученики.

Он мог выстраивать линию защиты так, что ставил в тупик сторону обвинения, за что его уважали все, кому приходилось принимать окончательные решения по уголовным делам.

Он любил свою профессию и делал всё, чтобы никто не мог уронить ее авторитет.

Он стремительно жил и оставил после себя заметный след, который невозможно стереть из памяти близких, друзей, коллег.

Сегодня, как впрочем и всегда, трудно представить себе правосудие вне поля деятельности адвоката, даже тогда, когда его участие в процессе не является обязательным.

Ведь «правосудие» по словарю В. Даля означает «судить по всей правде». А как можно найти правду? Только путем принятия решения на основе анализа различных мнений, а если хотя бы одного мнения недостает, то профессиональный судья должен взять на себя роль отсутствующего. Если же этот профессиональный судья берет на себя роль такого защитника, как М.А. Гофштейн, правильное решение гарантировано.

Только уходят из жизни такие профессионалы, и гарантий уже никто дать не может.

И хочется сказать словами немецкого писателя эпохи Просвещения Г. Лихтенберга: «Мне всегда больно, когда умирают талантливые люди, потому что мир нуждается в них больше, чем небо».

С.В. Марасанова —
председатель Московского областного суда

Невозможное возможно²

19 апреля Михаилу Александровичу Гофштейну
исполняется 85 лет

Имя Михаила Гофштейна у адвокатского сообщества России давно уже ассоциируется с высоким профессионализмом и беззаветным служением корпорации. Вот уже более 45 лет коллеги неизменно выбирают Михаила Александровича в органы адвокатского самоуправления, а его заслуги в защите прав и свобод граждан отмечены многими наградами. О мастерстве и талантах корифея будет еще много сказано в ходе торжеств. Нам же захотелось узнать, как поднялся адвокат до сияющих вершин общекорпоративного признания.

Мы встретились с М.А. Гофштейном накануне его юбилея. Как вы себя чувствуете, Михаил Александрович?

Удивительно, но чувствую! — пошутил он. Даже странно, что мне уже столько лет. В былые годы до такого возраста мало кто вообще доживал... А я работаю в обычном режиме: выполняю обязанности заместителя председателя президиума Московской областной коллегии адвокатов, участвую в работе Международного союза (содружества) адвокатов, консультирую коллег по сложным уголовным делам.

У него есть замечательная черта — он никогда не жалуется. Ни на здоровье, ни на коллег, ни на судей с прокурорами. По мнению мэтра, на всё судьба. Верующие сказали бы «воля Божья». Волею судьбы он и стал адвокатом.

За плечами у Гофштейна осталась Великая война, которую он прошел от и до, плотью и кровью слившись с легендарной 5-й Гвардейской танковой армией, которая побывала на всех главных фронтах Западном, Северо-Западном, Брянском, Белорусском и других. Он видел гибель товарищей, много раз рисковал собствен-

---

² Новая адвокатская газета. 2008. № 8 (025). Апр.

ной жизнью. И когда, наконец, вернулся домой, его мироощущение и память были насквозь пронизаны войной. По сей день он любит вспоминать фронтовых товарищей, называть номера частей и соединений, в которых служил, рассказывать о боевых эпизодах.

Михаил Александрович рассказал мне, например, об уникальной тактической операции, обеспечившей стратегический успех целого соединения.

Наступление наших войск захлебнулось, натолкнувшись на организованное сопротивление немцев. Камнем преткновения стал их опорный пункт, господствовавший над местностью. Немецкие инженеры смогли оборудовать позиции своей артиллерии таким образом, что она оказалась практически недосыгаемой для наших артиллерийских установок. В то же время огонь немцев был настолько эффективен, что они легко отражали танковые атаки.

Командира дивизиона, в котором служил Гофштейн, вызвали в штаб артиллерии армии. Вернулся он оттуда мрачный. Собрав комбатов, предложил: «Давайте выпьем». А потом объяснил: чтобы «накрыть» злосчастный опорный пункт, нужно перебросить одну из батарей катюш за линию фронта. Предложение было неслыханное: во-первых, оно шло вразрез со всеми уставами (место артиллерии позади пехотных и танковых подразделений), а во-вторых, катюши — секретное оружие берегли как зеницу ока. Однако приказ есть приказ. И отдан он был батарее Гофштейна.

Отправились на рекогносцировку посмотреть, что делается на переднем крае и каким маршрутом продвигаться. Куда там! Плотность огня такова, что носа из окопа не высунешь. Но немцы удивительный народ и на войне безоговорочно соблюдают распорядок дня: ровно в девять вечера они прекратили огонь и отправились спать.

Под покровом ночи по замерзшему болоту артиллеристы переправились за линию фронта и развернули позиции в партизанском лесу. Утром по команде из центра дали пристрелочный залп двумя снарядами и угодили в склад боеприпасов. Двумя другими залпами опорный пункт немцев был уничтожен. За эту операцию Гофштейн был награжден орденом Отечественной войны. С тех пор он твердо уверовал в то, что невозможное возможно.

Война, которой, казалось, не будет конца, всё же закончилась. В далеком 1947 г. гвардии капитан Гофштейн решил навсегда распрощаться с военной формой. Он поступил в Московский юридический институт и уже на втором курсе стал стипендиатом премии Курского. Он окунулся с головой в общественную жизнь: был избран редактором институтской стенной газеты, в редколлегию которой, между прочим, входили Саша Агранович, Валька Аграновский, Алла Гербер будущие звёзды советской журналистики.

Всё было иначе, чем на войне. Мирная жизнь властно заявляла о своих правах, и Гофштейн ощущал себя совершенно гражданским человеком. Но выработанная за годы сражений способность принимать неожиданные и нетипичные решения проявлялась подчас даже помимо его воли.

Так произошло после выпуска из института. Из-за «пятой графы» Гофштейна не пригласили на работу ни в суд, ни в прокуратуру. Между тем диплом Михаил Александрович получил, по его выражению, «довольно скучный» одни пятерки. И не считаться с этим не могли даже минюстовские чиновники.

Завтра в одиннадцать будь в Министерстве юстиции, сказал ему директор института. Тебя примет замминистра Пётр Иванович Кудрявцев.

Что такой хмурый? спросил выпускника Кудрявцев. Давайте начистоту. Где бы вы хотели работать?

Гофштейн решил идти ва-банк:

Я редактировал институтскую газету, мне нравится работать с печатным словом. Направьте меня в «Юриздат».

Кудрявцев отрицательно покачал головой:

— Там все места заняты. А как вы смотрите на то, чтобы пойти в адвокатуру?

— Без энтузиазма, — откровенно ответил Гофштейн. В МЮИ относились к адвокатам свысока, за глаза называя их пособниками обвиняемых. Разве только в Москве.

Хорошо! решил Кудрявцев. — Завтра в девять тридцать приходите за направлением.

Так решилась судьба будущего известного адвоката.

Он жил тогда в Кунцеве. В то время это был подмосковный город, поэтому Гофштейн попал на стажировку в областную консультацию. В 1951 г. получил «постоянную прописку» в Москов-

ской областной коллегии адвокатов. После стажировки его направили на работу в Тучково, где на весь район были один судья и один адвокат.

Все дела, где требовалось участие адвоката, были мои, рассказывает Михаил Александрович. Хорошая школа. Но после трех лет ежедневных поездок на 76-й километр и обратно мне стало невмоготу. Я пришел к председателю президиума коллегии Л.Н. Назарову и взмолился о переводе в родные пенаты.

Председателю, как видно, нравилась настойчивость и прямолинейность адвоката-фронтовика. Он неожиданно легко согласился на перевод, причем на перевод в кунцевскую консультацию, которую в то время возглавляла признанная звезда адвокатуры Софья Калистратова. Решение председателя пришлось ей не по душе. От имени коллектива консультации она написала протест на решение руководителя.

Этот молодой человек живет в Кунцеве, сказала она Назарову, не смущаясь присутствием Гофштейна, все кунцевские дела будут у него. Притом что дальние районы оголены. У нас каждый раз трагедия, если надо ехать «в глубинку».

Подумаешь, пожал плечами Гофштейн. Я три года каждый день в Тучково ездил.

Этого хамства я вам никогда не прощу, вспыхнула Калистратова.

«И ведь действительно не простила», грустно улыбается Михаил Александрович. Но тем не менее он очень горд, что ему пришлось работать в одном коллективе с этой выдающейся женщиной.

За время работы в кунцевской консультации Гофштейн принял участие в сотнях различных дел. Специализировался в основном на уголовных. Восемь раз защищал людей, в отношении которых обвинение настаивало на применении высшей меры наказания — смертной казни, но лишь в одном случае не смог добиться смягчения приговора.

Однако самой памятной для него стала защита болгарского гражданина Сергея Антонова, обвиненного итальянскими властями в причастности к покушению на Папу Римского. Поскольку советские адвокаты не могли принимать участие в процессе, вести защиту пришлось не прямо, а опосредованно, через болгарских коллег передавая инструкции нанятым итальянским адвокатам.

Полгода Гофштейн провел в Болгарии, где размещалась группа консультантов, сформированная по решению советского руководства для помощи болгарским коллегам. От исхода дела зависел авторитет не только Болгарии, но и всего соцлагеря. США и их европейские партнеры грозили разорвать дипломатические отношения с Болгарией, если версия о причастности спецслужб этой страны к покушению на Иоанна Павла II подтвердится.

С помощью Гофштейна и его ближайшего товарища по группе консультантов специалиста в области уголовного процесса, сотрудника института прокуратуры Александра Ларина болгарские адвокаты выиграли дело. Итальянский прокурор выступал три дня, но так и не смог преодолеть сопротивление защиты, честно признавшись, что ему не под силу свести воедино предположения и доказательства о причастности Антонова к покушению. Тот был оправдан.

Через месяц после возвращения в Москву Гофштейн получил приглашение из болгарского посольства. В торжественной обстановке ему вручили одну из высших гражданских наград Болгарии орден Кирилла и Мефодия. Гофштейн считает его одной из наиболее ценных своих наград, среди которых два ордена Отечественной войны (I и II степени), орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги».

Впоследствии у него было еще немало и просто интересных, и по-настоящему знаковых процессов. Иногда адвокату удавалось даже совершать невозможное, как это было, к примеру, в деле об убийстве старухи, когда Гофштейну удалось добиться в Верховном Суде отмены решений двух нижестоящих судов, настаивавших на применении высшей меры в отношении его подзащитного. Должно быть, сама судьба, которая уберегла Михаила Александровича от смерти во время войны, наделила его талантом спасать других.

Однако главное, что обеспечило адвокату Гофштейну профессиональный успех, это, несомненно, его личные качества, помноженные на непреходящую убежденность в том, что невозможное возможно.

Александр Крохмалюк,
главный редактор «ЛГ»

Кофе с экстремальной горчинкой

Вечный двигатель давно уже изобретен, название ему — Хронограф. Он состоит из двух намертво вцепившихся друг в друга шестеренок. Время и Память — это они заводят в нас особые внутренние часы, которые тикают, звонят и будят то, что мы называем воспоминаниями. Зачем? Почему? Не знаю...

Едва ли не каждую субботу за четверть часа до полудня во мне срабатывает этот внутренний будильник, который оповещает с безукоризненной пунктуальностью: суббота? Полдень? Ты еще не в Сокольниках?

...За год это превратилось в ритуал. Кофе с пенкой — сварен гостеприимным хозяином. Он сам тут же, на кухне. Распахнутый ворот рубашки, сосредоточенный взгляд — раскуривается трубка. Табачный дымок смешивается с ароматом кофе...

Хозяин откидывается на спинку кресла, глаза лучатся улыбкой удовольствия от вкушаемой им Жизни, в которой можно вот так запросто путешествовать с помощью личного Хронографа: «Аххх!...»

У любого другого на его месте это междометие прозвучало бы фальшиво и выспренно, а он это произносит так, что оно и во мне отдается безмолвным эхом. «Аххх!...»

Кухонька растворяется. Наверное, тому виной эта чудная смесь душистого табачного дыма и аромата кофейных зерен?..

Шестеренки проворачиваются на семь десятилетий назад. Вот маленький мальчик на коленях у сундука с сокровищами: «Купер! Майн Рид! Жюль Верн...» А вот он, но уже чуть постарше, на репетиции дома у режиссера, которого знает вся страна... А вот уже в лихо заломленной офицерской фуражке (потому что спецкольник!) уходит на фронт под отцовское напутствие: «Только в плен не попадайся...»

Шестеренки замедлились, едва ли не остановились. Они сейчас выясняют между собой, какая из них важнее: та, что повелевает Временем или та, что отвечает перед Памятью?

Стынет кофе, оседает пенка...

Сколько людей мне рассказывали свою жизнь? Не считала, но многие. Моей заслуги в том нет. Ремесло обязывает. В профессии юриста, врача, журналиста и писателя есть нечто от священнослужителя. Только когда человек решает исповедаться человеку пишущему, он не может это не учитывать. На смену таинству исповеди приходит ее публичность. Из-за этого хочется о чём-то умолчать, а что-то подчеркнуть особо. Вполне понятное желание.

Но мой собеседник и друг — особый случай. Лишь изредка он обрывает самого себя и то только лишь для того, чтобы самоиронично воскликнуть: «Что я несу!.. Аххх, что я несу!..»

От самоиронии до самоуничужения — один шаг. Субботним полуденным встречам предшествовали вечерние.

Я прихожу и застаю его за компьютером. «Что-то новое пишете?» — «Нет, что ты!.. Перечитал себя, так всё плохо, вяло. Сiju, мучаюсь, переписываю... Какая же это каторга — писать книгу!..» — «Да что вы, Михал Саныч, там уже нечего больше шлифовать, у вас филигранная работа со словом, надо двигаться дальше!..»

Он смотрит на меня задумчиво-удовлетворенно. Удовлетворенность относится на мой счет: он доволен проявленным, как он выражался, великодушием. Задумчивость же красноречивее всяких слов и не оставляет никаких сомнений: как только я уйду, он продолжит работу над словом...

Но, как мне кажется, была еще одна причина, почему мой любимый автор то и дело возвращался к написанному. Это были главы о детстве и о войне. Детство — это то, что делает человека тем человеком, каким он становится. Война — это то, что, пройдя однажды, человек не только не в силах забыть никогда, но и то, что выручит, если будет хуже некуда.

Его внутренний Хронограф знал это, и потому шестеренка Памяти тщетно пыталась остановить шестеренку Времени, возвращая в далекие тридцатые, сороковые...

Тогда и появились наши субботы. Год, за который мы прожили в эти полуденные часы десятилетия. Мне действительно казалось, что я уже тоже живу теми событиями, теми людьми...

Да что там я, моя дочь однажды призналась: «Историю Великой Отечественной я знаю по рукописи Гофштейна...» Но ведь она тогда была школьницей. Это как же надо писать и рассказывать, чтобы так зацепить юную душу!..

Раньше субботы были среды. В эти дни Михаил Александрович приходил в «Аргументы и факты» читать свежий номер. Разве можно было отказать себе в удовольствии выпить с ним чашечку кофе?

Года полтора назад я оказалась в кабинете, где в шкафу стояла знакомая чашка (в свое время я принесла в редакцию две таких чашки — одну для себя, вторую — для моего лучшего друга, а когда уходила из «АиФа», свою забрала). «Может, возьмешь теперь и чашку Михал Саньча?» — «Да нет, пусть стоит...»

И действительно, пусть всё остается там, где есть. В этом суть Памяти. А Хронограф найдет ей свое Время.

Мне же сейчас пора пить кофе. Не в «АиФе» и не в Сокольниках.

«С экстремальной горчинкой, пожалуйста! Двойной, если можно...»

Л. Прошак

Дорогой мой человек

Судьба подарила мне радость совместной работы с Михаилом Александровичем Гофштейном в редакции еженедельника «Аргументы и факты». Было это, как сейчас пишут, в лихие 90-е, когда на развалинах плановой экономики оборотистые дельцы только-только начинали сколачивать свои баснословные состояния. И все средства при этом были хороши — от присвоения частными лицами крупнейших высокорентабельных государственных предприятий до опустошения кошельков граждан с помощью бесчисленных финансовых пирамид. Я работал тогда корреспондентом отдела экономики. Редакционная политика в те времена была сосредоточена на разоблачении этого массового обмана населения.

Надо отдать должное главному редактору «Аргументов» тех лет Владиславу Андреевичу Старкову, который не побоялся дать целую серию статей о компаниях-обманщиках. По прошествии времени всё лучше понимаешь, что мы тогда ходили по лезвию бритвы. В мошеннических схемах были задействованы такие безумные деньги, что фигуранты наших публикаций могли попытаться заставить журналистов замолчать с помощью угроз, подкупа, шантажа и даже физического насилия. Мы с моим редактором отдела экономики Павлом Васильевичем Лукьянченко всё это прекрасно понимали. Но страха не было. Мы исполняли свои профессиональные обязанности. К тому же наши спины прикрывал не кто-нибудь, а сам Михаил Александрович Гофштейн. Он следил за юридической составляющей газетных статей, которая была безупречной.

Сколько же сил Михаил Александрович положил на то, чтобы выработать такую форму публикаций, чтобы и читатель понял, что его бессовестно обманывают, и журналиста сильно не подставлять. Он постоянно повторял, что существуют определенные неписанные правила игры. И если им следовать, то можно и долж-

но избегать тяжелых последствий. Я очень многому научился у Гофштейна. Например, точности терминологии. Ведь одну и ту же мысль можно выразить по-разному. Воистину велик и могуч русский язык! «Валерий, не пиши, что они мошенники, — призывал он меня. — Назови их ловкачами, проходимцами, аферистами. Смысл не изменится, а в суд на тебя они подать не смогут».

И действительно, в Уголовном кодексе есть статья о мошенничестве. Назовешь человека до суда мошенником, и сам под раздачу попадешь. Назовешь жуликом — никто не подкопается. И никаких оценок! Только фактура — цифры, названия компаний, события в пространстве и во времени. Пусть факты говорят сами за себя. Люди поймут. Худо-бедно, но очень многим мы тогда мошеннический бизнес обломали.

Я не знаю достоверно, в какой момент Михаил Александрович решил стать адвокатом. Но осмелюсь предположить, что случилось это сразу после Победы. Как он рассказывал, весть о том, что война закончилась, застала его в Восточной Пруссии. Тогда боевой офицер, гвардии капитан Гофштейн был начальником штаба отдельного дивизиона «катюш». Победа просто опьянила! К тому же пылала и цвела первая послевоенная весна, а ему тогда только-только исполнилось 22 года. Начиналась такая прекрасная мирная жизнь! Конечно, воины-победители имели право на некоторые вольности. Естественно и неизбежно случались романтические истории. Немецкие девушки вовсе не избегали внимания русских военных. И вот как-то раз гвардии капитан Гофштейн с друзьями офицерами был арестован патрулем в «самоволке» и посажен на гауптвахту. Рьяный начальник немедленно дал делу законный ход и направил документы в трибунал. Но армия есть армия: дело Гофштейна с компанией должен был предварительно рассмотреть командующий. Взяли, значит, их под ружье и повезли в штаб армии. А там уже собрали скорый суд из генералов. И вот большой начальник говорит: «Сейчас мы вас, туды-растуды, разжалуем и посадим в тюрьму за связь с противником!» А Михаил Александрович, по его словам, возьми да и скажи: «Разрешите уточнить, товарищ генерал!» «Ну, давай, уточняй, капитан», — разрешил начальник. «За половую связь с противником», — выпалил Гоф-

штейн. Генералы дружно расхохотались. Конечно, судебный процесс обернулся фарсом. Ни в какой трибунал документы не пошли. Командующий ограничился дисциплинарным взысканием и даже никого не разжаловал. Не тогда ли боевой гвардии капитан задумался о будущей карьере адвоката?

Как-то в очередном номере «Аргументов и фактов» я опубликовал статью о вопиющей ситуации в одной золотодобывающей компании. В то время как рядовые старатели в течение года не получали зарплату, генеральный директор свое жалованье получал исправно. Более того, ежемесячно клал в свой карман более 20 тысяч долларов. Реакция на публикацию последовала незамедлительно. В редакцию явились двое молодых адвокатов и обвинили меня в клевете, а редакцию — в нанесении ущерба деловой репутации уважаемого и заслуженного руководителя. В итоге предъявили иск на несколько десятков миллионов рублей и направили материалы в суд. Конечно, кое-какие документы в свое оправдание я имел. Немало фактуры осталось за рамками газетной статьи. Но когда мы с Михаилом Александровичем стали предметно готовиться к судебному заседанию, оказалось, что для доказательства наличия столь высоких доходов генерального директора моих данных было явно недостаточно. Возник вопрос — кто может располагать информацией о доходах героя нашей публикации? Только налоговая инспекция. А дальше Михаил Александрович действовал в высшей степени профессионально и, я бы сказал, виртуозно. Был составлен запрос в налоговую инспекцию Иркутской области за подписью судьи — какие выплаты получил генеральный директор за конкретный период. Через некоторое время мы — ответчики — получили официальный ответ, где черным по белому были выписаны суммы, полученными нашим героем за год. К нашему облегчению они были даже выше тех цифр, которые мы сообщили в печати.

Михаил Александрович со мной в суд не пошел. Дело было сделано, защита выстроена непоколебимо. «Валерий, ты знаешь ситуацию очень хорошо, справишься без меня, — сказал он, — изложи, как мы с тобой условились. А для поддержки на всякий случай с тобой пойдет мой коллега». Мы отправились на заседа-

ние с молодым юристом, который также в то время работал в «Аргументах». Суд пошел точно по тому сценарию, что мне уже проговаривал Гофштейн. Заседание было коротким. После того, как мы зачитали справку налоговой инспекции о доходах господина генерального директора, все было кончено. Наши оппоненты проиграли. Но я не злорадствовал. Наши противники — симпатичные молодые ребята — тоже делали свое дело. Но они недооценили редакцию и ее мощное юридическое обеспечение.

Самое лучшее выигранное дело у адвоката такое, которое разрешено в досудебном порядке. Эту истину Гофштейн не уставал повторять постоянно. И я неоднократно в том убеждался. Как-то раз меня вызвал к себе главный редактор Владислав Андреевич Старков. Захожу. В кабинете сидит целая делегация из Центрального Банка во главе с заместителем председателя. Назовем его Сергеем Владимировичем. Настроение у главного, мягко говоря, не очень. «Ну что, Валерий, нам придется писать опровержение? — спрашивает Старков. — Ты отвечаешь за свою статью и за те цифры, что там опубликованы?» Я ответил утвердительно. Мол, цифры правильные, источник надежный, а тенденции и прогнозы основаны на простых расчетах. Опровержения писать не буду.

Задела Центральный Банк статья в «Аргументах», которая выставляла порочность ГКО (государственных казначейских обязательств), которые были выстроены по принципу пирамиды. В эту пирамиду тогда активно играли большие начальники и имели от игры большие деньги. Естественно, пирамида должна была, в конце концов, обрушиться, о чём мы и предостерегали читателей в марте 1998 года. Сергей Владимирович на повышенных тонах обвинил меня ни много ни мало — в подрыве курса рубля. Я довольно жестко ответил, что если даже такая газета, как «Нью-Йорк Таймс», опубликует нечто подобное, то с долларом ничего не произойдет. В Америке за долларом стоит мощная экономика, в отличие от нас. И дело вовсе не в аргументовской статье, а в шаткости рубля и в пирамиде ГКО. Сергей Владимирович потребовал опубликовать опровержение и спросил: «Скажите, кто вам дал эти цифры?» Я ответил, что по закону я имею право назвать свои источники только в суде. «Тогда будем судиться», — заключил чи-

новник Центробанка.

Я вышел из кабинета и отправился к Гофштейну. «Ну и что ты расстроился? — спросил меня Михаил Александрович. — Еще никто тебя официально не обвинил. Давай подождем». Опровержение мы публиковать не стали. Центральный банк в суд на редакцию так и подал. А в августе 1998 года, как и предсказывали «Аргументы и факты», пирамида ГКО обвалилась. В главный банк страны пришло новое руководство. Кстати, для Центрального Банка и Министерства финансов я не стал персоной нон грата. «Аргументы» и впредь регулярно помещали статьи, интервью, корреспонденции о работе этих учреждений.

Михаил Александрович оказал решающее влияние на выбор жизненного пути моего младшего сына Александра. Он успешно окончил юридический факультет МГУ, а в последствии получил статус адвоката. Был период, когда Саша, видимо, в силу своей молодости, пребывал в некотором разочаровании и хотел оставить профессию юриста. Конечно, мы с женой старались по мере своих возможностей переубедить сына, внушить ему мысль о том, что первоначальные трудности обязательно пройдут, появится профессиональный вкус, обязательно придет уважение коллег и признание клиентов. Но мы чувствовали, что наши слова сын воспринимает далеко не в полной мере. Конечно, мы сильно переживали.

Вскоре Михаил Александрович по своему обыкновению заинтересовался — как жена, дети? И в особенности его интересовали успехи его юного коллеги — Саши. Я рассказал о его трудностях и сомнениях. Меня поразила реакция Гофштейна: он попросил немедленно передать Саше, чтобы тот явился к нему для беседы. Я понял, что он отложил все свои текущие дела, чтобы подкорректировать ситуацию. Не знаю, что говорил моему сыну мудрый Михаил Александрович. Не рассказывал о той встрече и Саша. Но после разговора с Гофштейном настроение и отношение к выбранной профессии у сына изменились коренным образом. Хотя он дома не очень-то откровенничал, мы с женой ясно видели: Саша стал другим, всё идет нормально. В конце 2012 года он был награжден Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации с формулировкой: за верность традициям Российской

адвокатуры и высокое профессиональное мастерство.

Время идет, и друзей становится всё меньше. В окружении преобладают знакомые, коллеги, может быть, приятели. Судьба меня наградила дружбой с прекрасным мудрым светлым человеком — Михаилом Александровичем Гофштейном. Несмотря на разницу в возрасте. Естественно, с моей стороны дружба наша носила характер исключительно уважительного отношения младшего к старшему. Я бережно храню подаренную мне Михаилом Александровичем по случаю моего дня рождения шикарную перьевую ручку «паркер». Помню его поздравление, откровенное крепкое рукопожатие, его широкую честную ладонь. Помню и его полусутопливые слова на мои сетования по поводу цены «паркера»: «Ты хороший журналист, Валерий, и должен писать хорошей ручкой».

Валерий Виркунен —
член Союза журналистов России

СЫН СВОЕГО ОТЦА

Эксклюзивное интервью³

Михаил Александрович Гофштейн был выдающимся адвокатом. Это знали все. Досадно, когда о человеке близком приходится говорить в прошедшем времени. Что поделать, жизнь и смерть идут рядом. Благо, у Михаила Александровича есть наследник, сын Александр, талантливый адвокат. Он впитал от отца те качества, которые в годину тяжелых испытаний помогли ему устоять на крутом жизненном вираже. Так случилось, что, приехав к своему подзащитному, находящемуся в испанской тюрьме, Александр сам оказался в заключении и провел там более трех с половиной лет. Но не сломался.

— Александр Михайлович, то, что произошло с вами, — случай беспрецедентный в адвокатском сообществе. Естественно, все мы пользовались информацией из прессы, которая сообщала, что во время свидания в испанской тюрьме со своим подзащитным, воров в законе Захарием Калашовым, известным как Шахро-Молодой, вы передали ему крупную сумму денег. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Никакой передачи денег, конечно же, не было и быть не могло, потому что я уважаю закон, который исключает такого рода контакт между защитником и подсудимым, да и в этом не было никакой необходимости. По версии обвинения, я привозил якобы крупные суммы наличными (так говорилось в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого без указания конкретных размеров этих сумм) для оплаты труда испанских адвокатов. Вот что мне инкриминировалось.

А в действительности имело место совершенно другое. Повторяю, никакого отношения к оплате услуг испанских адвокатов

---

³ Опубликовано в журнале «Российский адвокат» (2010. № 5)

я не имел. Деньги им перечислялись по безналичному расчету. Но поскольку Калашов находился в Испании один и у него не было в этой стране близких людей, а, как всякий живой человек, он испытывал потребность в приобретении продуктов питания, оплате телефонных звонков домой, его родственники просили меня, когда я ездил в Мадрид, передавать незначительные суммы денег (от 500 до 1500 евро) его испанским адвокатам. А те в свою очередь должны были положить эти деньги на счет Калашова в тюрьме. Что и происходило. Я об этом заявил, как только был задержан, но на этапе досудебного разбирательства это почему-то не удовлетворило следствие. Не было никаких доказательств, подтверждающих обвинительную версию об оплате мною адвокатского труда, а кроме того, существовало множество доказательств, подтверждающих мою правоту. Например, если сопоставить даты моего приезда в Мадрид и даты появления денег на расчетном счете Калашова в тюрьме, то эти даты полностью совпадали, но это никого не интересовало.

— *Насколько мне известно, позднее факт передачи денег ушел в небытие и распространилась другая информация. Якобы вы в 2006 году были задержаны в финале проведения операции под кодовым названием «Оса», на основе данных прослушки телефонных переговоров. Вам инкриминировалось отмывание денег и участие в преступной группировке вашего клиента Калашова. Через год после ареста, в октябре 2007 года, вас выпустили под залог в 200 тысяч евро. Запретили покидать территорию страны и предписывали регулярно являться в районный комиссариат по месту жительства.*

— Что касается моего участия в преступном сообществе, то появление этого обвинения свидетельствует об опаснейшей тенденции отождествить клиента с адвокатом. Испанское следствие посчитало, поскольку я защищал Калашова в 1999 году и вновь стал его защитником в 2006 году, то наши отношения переросли рамки «адвокат — клиент». Понятно, что это является очевидной глупостью, ведь люди годами ходят к одному и тому же врачу, несколько поколений семей учатся у одного и тоже педагога... Но всё это было не ведомо испанскому прокурору или он делал вид,

что не хочет этого понимать. Власти страны, к моему удивлению, пытались припомнить мне участие во многих громких процессах в России, в частности, защиту Вячеслава Иванькова и некоторых других лиц, считавшихся криминальными лидерами у нас. По странной случайности испанские правоохранители оказались чрезмерно осведомлены об этой стороне моей адвокатской деятельности. Я пытался им объяснить: «Позвольте, кроме тех лиц, о которых вы говорите и которых в моем клиентском списке немного, я защищал огромное число государственных служащих: судей, прокуроров, следователей, таможенников, включая председателя Верховного Совета СССР Анатолия Ивановича Лукьянова. Почему же тогда вы не отождествляете меня с ними?»

Я должен сказать, что одним из самых сильных впечатлений об испанской юридической системе явилось для меня наличие абсолютно неквалифицированного, непробиваемого никакими доводами следствия и, как противовес ему, как контраст на этом фоне, наличие независимого, объективного, старающегося во всём разобраться суда. Но проблема заключается в том, что до этого мудрого суда нужно дожить, потому что существующие процессуальные сроки в Испании делают такую перспективу не бесспорной, так как нужно выдержать четыре года.

— *Насколько мне известно, вы почти год провели в камере испанской тюрьмы. Это ведь колоссальный срок. Наверняка за это время у вас бывала депрессия, отчаяние, чувство безысходности... Что или кто помогал выстоять?*

— Семья, семья и еще раз семья. Я знал, что по ту сторону тюремных ворот остались люди, для которых я являюсь важнейшей частью жизни: отец (к сожалению, не доживший до оправдания), моя жена, дочь, которая родилась через две недели после моего ареста, сестра... Слава Богу, я богат родственниками и друзьями. И каждый из этих людей не на словах, а на деле доказал, что на них можно опереться. Поэтому я не мог себе позволить расслабиться, раскваситься и перестать бороться.

— *Российских адвокатов к вашей защите не допускали, и приезд в Испанию вашего «патрона» Генриха Падвы оказался холостым выстрелом. Или, на ваш взгляд, он что-то дал?*

— Этот выстрел был не только не холостым, а очень даже прицельным по многим параметрам. Генрих Павлович — мой ближайший друг, и он сумел организовать мою защиту испанскими адвокатами. Это звучит странно, но после моего ареста большинство ведущих испанских адвокатов-криминалистов отказались меня защищать из-за опасения повредить своей репутации. Я часто задумывался, а в чём цель той обширной, насквозь лживой пиар-кампании, которая была развернута вокруг моего имени. Говорили, что я прибыл в Испанию, чтобы подготовить побег моего подзащитного из тюрьмы. Что я и арестованные со мной люди готовили устранение руководителей правоохранительных органов Испании. Говорили всё что угодно. И вот, когда я узнал, что мои коллеги — испанские адвокаты — друг за другом отказываются от участия в процессе на моей стороне, понял, чему была посвящена эта кампания — оставить меня без защиты, дать возможность расправиться. И огромная заслуга Генриха Павловича в том, что благодаря его авторитету, бесспорному и безупречному, он нашел замечательную испанскую юридическую фирму, которая называется «Квадро Касас», адвокаты которой стали защищать меня.

— Наряду с ними руку помощи из России протянула друг вашей семьи блистательный адвокат Альбина Ивановна Краснокутская. Это она порекомендовала нашего соотечественника, испанского адвоката Кирилла Ильина.

— Да. Верно. Кирилл оказался удивительно порядочным и высокоинтеллектуальным человеком, блестящим профессионалом. Он был первым, кто пришел ко мне в тюрьму, а главное, вселил в меня веру, что скоро я буду видеть небо не только из окна своей камеры...

— Знаю, что испанские правоохранители не простили Кириллу участие в вашем деле. Через какое-то время и он «загремел под фанфары», оказавшись за тюремной решеткой.

— Да, он был привлечен к уголовной ответственности, но не по нашему делу, а по другому, которые плодятся в Испании, как котята. Было возбуждено еще одно дело по так называемой Тамбовской группировке. По нему и был арестован Кирилл Ильин. При обыске у него изъяли мое досье, задолго до этого прослушивались

телефонные разговоры, которые он вел, в том числе и со мной. Составляя расшифровки этих разговоров, следствие сделало вывод: «Примечательны контакты Кирилла Ильина с обвиняемым Александром Гофштейном, пользующимся безупречным авторитетом в российской преступной среде». Авторы данного комментария забыли одну вещь, что это контакты между адвокатом и клиентом и что они являются адвокатской тайной. Но так как, по соображениям испанских следователей, я представлял одну сторону «русской мафии», а Кирилл — другую, нас, чтобы придать этому делу больший вес, выставили в виде «спрута», который своими зловещими щупальцами опутал всю Испанию.

Кирилл пробыл в тюрьме три месяца, был выпущен под залог и, к сожалению, в настоящее время пребывает в статусе обвиняемого, ожидает суда. Его дело расследовал печально известный судья Бальтазар Гарсон, который сейчас отстранен от судебной деятельности в связи с возбуждением в отношении него ряда уголовных дел, связанных со злоупотреблениями, совершёнными во время исполнения обязанности судьи.

— *В итоге королевский суд Испании вынес вердикт: российский адвокат Александр Гофштейн не виновен. Он свободен и может отправляться на Родину. По всей видимости, вы будете требовать компенсации морального ущерба?*

— Я не отказался полностью от этой мысли. Всё зависит от того, насколько испанское законодательство предоставляет такую возможность. По словам моих адвокатов, это отнюдь не бесспорно и не безусловно.

— *Вы дали высокую оценку испанскому суду, но прокурор по вашему делу всех россиян считал какими-то дьяволами. Это так?*

— Да, что было, то было. Нам не повезло с прокурором, и пусть не обижается на меня Хосе Гринда, в семье, как говорится, не без уродов. Он оказался ярым антироссийским фанатиком, в нелепом стремлении которого покарать всех русских тонуло и юридическое образование, и существовавшее когда-то представление об объективности. Но вообще-то прокурорская роль в уголовном процессе Испании чрезвычайно почитаема, поскольку в подавляющем большинстве случаев испанские прокуроры работают так,

что вызывают уважение качеством работы и справедливостью.

— *Как вы считаете, Александр Михайлович, ваше освобождение не является неким уроком нашему правосудию, где доминирует обвинительный уклон?*

— То, что нашему суду есть чему поучиться у испанских коллег, для меня не является никакой тайной. Это очевидно. Для сведения скажу, что в Испании из всех вынесенных приговоров 40% оправдательных. Эта цифра не сопоставима с российской, где 0,01% или около того оправдательных приговоров.

— *Дважды во время нахождения в Испании вас отпускали в Россию. Первый раз — посетить больного отца, второй — на его похороны. Знаю, были люди, которые советовали вам не возвращаться, ибо между нашими странами нет договора об экстрадиции. Испанский прокурор просил назначить вам наказание сроком 7,5 лет лишения свободы. И всё же оба раза вы вернулись в Испанию. Почему?*

— Я понимал, что разрешение на выезд, данное мне в октябре 2009 года накануне процесса, — это отчасти акт милосердия, отчасти уловка, потому что прокурору было бы выгодно, чтобы я не вернулся. Это стало бы дополнительным доказательством моей виновности. Поэтому я должен был поехать в Испанию, чтобы «отмыть» свое доброе имя, я был настроен на борьбу за свое оправдание. И еще. Я никогда не забывал, что мое имя неотъемлемо от имени моего отца и не мог допустить, чтобы при его жизни и после о сыне говорили, как о скрывающемся от правосудия.

— *Я глубоко уважал вашего папу и видел, с какой болью Михаил Александрович переносил время вашего заточения. Чтобы как-то отвлечь его, организовал поездку в Таманскую дивизию. По случаю приезда фронтовика, бывшего командира батареи знаменитых «катюш», состоялось торжественное построение части и вынос боевого знамени. На полигоне продемонстрировали возможности современных «катюш», а потом в блиндаже офицеры накрыли стол, как на фронте: картошка «в мундире», селедка, лук и алюминиевые кружки. Когда плеснули в них из армейских фляг, полковник сказал: «Дорогой Михаил Александрович! Спасибо вам за Победу!» Ваш папа крепко сжал мое плечо и тихо шепнул: «Эх, видел бы всё это мой Сашка! Как бы он за меня порадовался». Что для вас отец?*

— Я уверен, поездка в Таманскую дивизию, встреча с сегодняшними воинами-гвардейцами продлили отцу жизнь. Как любое воспоминание о молодости, это здорово подпитало его силы.

Вы спросили, что для меня отец. Я всю жизнь восхищался им, хотел быть похожим на него, хотя и знал, что это невозможно, но очень к этому стремился. Он был для меня идеалом человека, человека скромного и очень мудрого. Причем, он был мудрым и тогда, когда достиг седин, и тогда, когда еще был сравнительно молод. И я это помню.

Он был для меня идеалом и в области профессионального дела. Отец гордился званием адвоката и боролся за то, чтобы оно было поднято на соответствующую его смыслу высоту. Его оторопь брала от того, что порой и судом, и, к сожалению, нашими коллегами высокое звание адвоката пачкается или топчется недопустимым отношением к профессии, к самим себе и к своим клиентам.

И, безусловно, он был человеком добрейшим. Но это было добро с кулаками. Отец всегда был готов драться за своих клиентов. Не криком, не нахрапом, а спокойно, не повышая голоса, беря глубоким анализом и знанием дела. Эта манера и позволяла ему добиваться больших преимуществ для своих клиентов.

Ну а если говорить о семье, то он был безумно нежным отцом. У нас с ним была большая разница в возрасте, я поздний ребенок. Тем не менее он стал мне настоящим другом. Чтобы ни происходило в моей жизни, я всегда встречал у него полное понимание. Может, не всегда согласие, но понимание. И критику, высказанную ровесником.

— *По рассказам коллег, вы одержимый трудоголик. Наверняка уже погрузились с головой в работу?*

— К счастью, я не утратил востребованности, которая была прервана моим четырехлетним отсутствием, и завален делами, как мне кажется, выше не только моих, но и вообще человеческих возможностей. Стараюсь сортировать, от чего-то отказываться, для того чтобы не проиграть в качестве.

— *Успехов вам!*

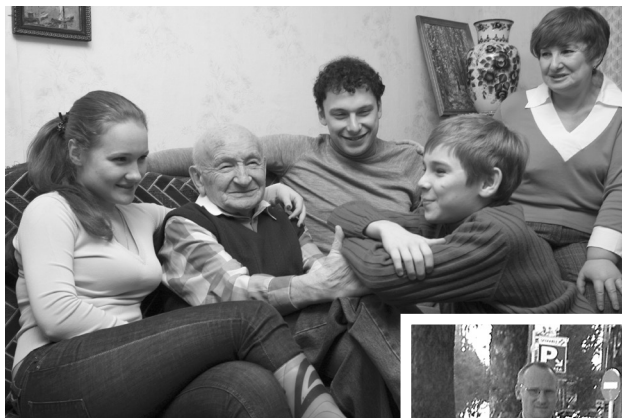
— Большое спасибо.

Беседу вел главный редактор
журнала «Российский адвокат» **Ромен Звягельский**

М.А. ГОФШТЕЙНУ

О Михаиле Александровиче Гофштейне можно говорить очень много, и только хорошее.

Лично в моей судьбе он сыграл определяющую роль.

После окончания юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 1979 году он принял меня в стажерскую группу Московской областной коллегии адвокатов. С 1988 года я был его заместителем в МОКА, а с 1989 года, и практически до конца своей жизни, он был заместителем Президента АП Московской области и Московской областной коллегии адвокатов.

Он был Великим Адвокатом, Человеком и Учителем, был прекрасным мужем, отцом, дедушкой. Он написал замечательную книгу.

К его 75-летию я посвятил ему стихи, в которых выразил свою искреннюю любовь и симпатию.

Имя М.А. Гофштейна, его чистая душа, его добрые дела, его профессионализм будут всегда с нами.

А.П. Галоганов — президент АПМО

Михаилу Александровичу. К 75-летию

1. Посвящаю Гофштейну стихи
(Первый раз их ему посвящаю).
Коль покажутся вам неплохи,
То еще напишу, обещаю.
2. Для Гофштейна стихи — ерунда,
Их ему тыщи раз посвящали,
И чего только в них не желали...
Мне до тех стихоплетов — куда?!
3. Ну, а если серьезно, Гофштейн
В жизни каждого сделал так много.
Васка Гамма, Колумб, Крузенштерн,
Пусть простят меня — все у порога...
4. И судьба его — всякое было,
Но пусть зависть исчезнет любая...
Ведь нигде его так не любили
Так, как любит его Областная!
5. Знаем выборов наших итог,
Трое было всего только против:
Клава, сам, третьего не найдете.
Остальные все «за», даже Бог...
6. Для него характерны всегда
Доброта, чистота и правдивость!..
И ума безупречная живость.
И года ему все — не года...
7. Адвокатская мудрость и честь,
Благородство души и порывов,
Адвокатская жизнь — без отрыва.
Это было, и будет, и есть.
8. Александрыч, Учитель, Отец,
Преклоняемся все перед Вами,
Вы для нас — и тайфун, и цунами,
Наш Наставник, Учитель и Спец.

9. И в грядущих годах и столетях,
Всё пройдет, но останетесь Вы,
Наша Гордость, Мечта и Бессмертье.
Адвокатская Слава страны.
19 апреля 1998 г.

Михаилу Александровичу Гофштейну в день 80-летия

Ваш юбилей вплетен в бегущий год
Изящной и торжественной закладкой
О том, как жизнь рванулась без оглядки
От двадцать третьего стремительно вперед,
Не ведая сомнений и тревоги,
Не размышляя о превратностях дороги...

Пусть Папа с Мамой думают о них!
И беспокоятся, не беспокоя юных,
В своей надежде — чуточку! — безумных,
В своей отваге — чуточку! — дурных...
Судьба открыла свой блокнотный лист
И записала: — В путь, артиллерист!

Для юности путей запретных нет!
Есть чуткий ум, есть молодая сила:
Так по Европе Ваша юность колесила,
На разных «штрассе» оставляя след...
Война сжигала годы, жизни, души.
Сжигали ночь ракеты от «катюши»...

Ваш юбилей вплетен в бегущий час
И милостью, что в боине уцелели,
И синевой, и солнцем, и апрелем...
А этот месяц так похож на Вас:
Он весь открыт в безоблачные дали,
Где место есть и счастьем... и печали...

Как трудно в жизни уловить тот миг,
Который всю Вселенную иначит...
И улыбаешься, как очень тихо плачешь...
И говоришь, как давишь в горле крик...
И как-то миришься с пришедшей пустотой,
Спасаясь в памяти — печальной и святой!

Не мы считаем Время, нас оно,
Не торопясь, считает и итожит,
То вычтет, то разделит, то умножит,
Порою так, что ярким днем темно.
Мы не считаем — мы живем и смеем!
И потому — приходят юбилеи!

Ваш юбилей вплетен в бегущий век
Вершиной рукотворною — Монбланом! –
Курсанту школы, боевому капитану,
Что лично взял угрюмый Кёнигсберг!
Еще студенту и стипендиату,
Чуть позже — корифею-адвокату!

Дано Вам знать, как находить нюанс
В железной хронологии поступков,
Где факт, как гвоздь, а для надежды хрупкой
Едва-едва мерцает спорный шанс.
О том, как много главного в неглавном,
Вы даже спорили однажды с Ватиканом!

В профессии, где важен каждый штрих,
Пятно любое в череде явлений,
Дано Вам слышать диссонанс сомнений,
Неразличимый вовсе для других!
Его услышать, а потом озвучить –
Ваш Божий дар и всех счастливый случай!

В судебных стычках, где у всех права,
Где каждый чтит себя защитником закона,
Дано Вам чують линию излома,
Ту, за которой истина мертва...
Дано Вам верить: заслужила милость
Не личность за решеткой — справедливость!

Слов столько... Но к чему сейчас слова...
Такая жизнь — ни много и ни мало!
Наш друг Гофштейн, сойдите с пьедестала,
Куда людская Вас поставила молва!
Не льстим, но любим и за честь почтем
С великим мастером пить за одним столом!

Спасибо Вам, наш задушевный друг,
Что столько лет Вы были с нами рядом,
Что бытие, как крест или награду,
Нам помогали не ронять из рук.
Поклон Вам, что, пройдя войну и смерть,
Вы нас учили всем в глаза смотреть!

Жизнь жить, не значит говорить: «Я свой» –
Летучим дням, мелькающим столетьям,
Шумливым праздникам и темным лихолетьям.
Куда важнее быть самим собой
Всегда и всюду: в деле эпохальном
И в пустяке, забавном и нахальном!

Вам это удалось! И юбилей –
Не только шум и слёзы поздравлений,
Еще и благодарность за общенье
В сумбуре дел и суматохе дней,
Где каждое мгновение общенья
Рождало и восторг и восхищенье!

Здоровья Вам, красивый человек!
Устойчивого ровного здоровья,
Чтобы его хватило на застолье,
На новый день и новый свежий век!
Судьба смеется и собой гордится,
А память гладит имена и лица...

Мир Дому Вашему! Пусть не стучатся в дверь
Какие-то ненужные заботы,
Какие-то напрасные работы
И черных мыслей злая канитель...
Пусть в облаках купается Монблан.
Какие Ваши годы, капитан!

День развернулся в полный разворот,
 Апрель играет светлой вешней силой.
 Мы любим Вас, наш современник милый!
 Мы любим Вас на сотню лет вперед!
 Сегодня можно плакать, пить и пить...
 И, Боже мой, нам жить, и жить, и жить...

Е. Румянцев

Синий берет

(Песня подольских курсантов)

Наша жизнь полным-полна скитаний,
 Переездов и переживаний,
 Много извлечь, многое сберечь
 Можно из случайных встреч.
 Помню городок провинциальный,
 Захолустный, тихий и печальный,
 Площадь и вокзал, городской бульвар,
 И среди мелькавших пар
 Я вижу

Припев:

Вижу знакомый родной силуэт,
 Синий берет, синий жакет,
 Темная юбка, девичий стан
 Мой мимолетный роман.
 Танечка, Таня, Татьяна моя,
 Помнишь ли звездное лето это,
 Как же мы можем с тобой позабыть,
 Всё, что пришлось пережить?
 Нас война по свету раскидала,
 Перепугала, перемешала,
 Где моя семья, мама и друзья
 Ничего не знаю я, ну словом...
 Помню, дело было на привале,

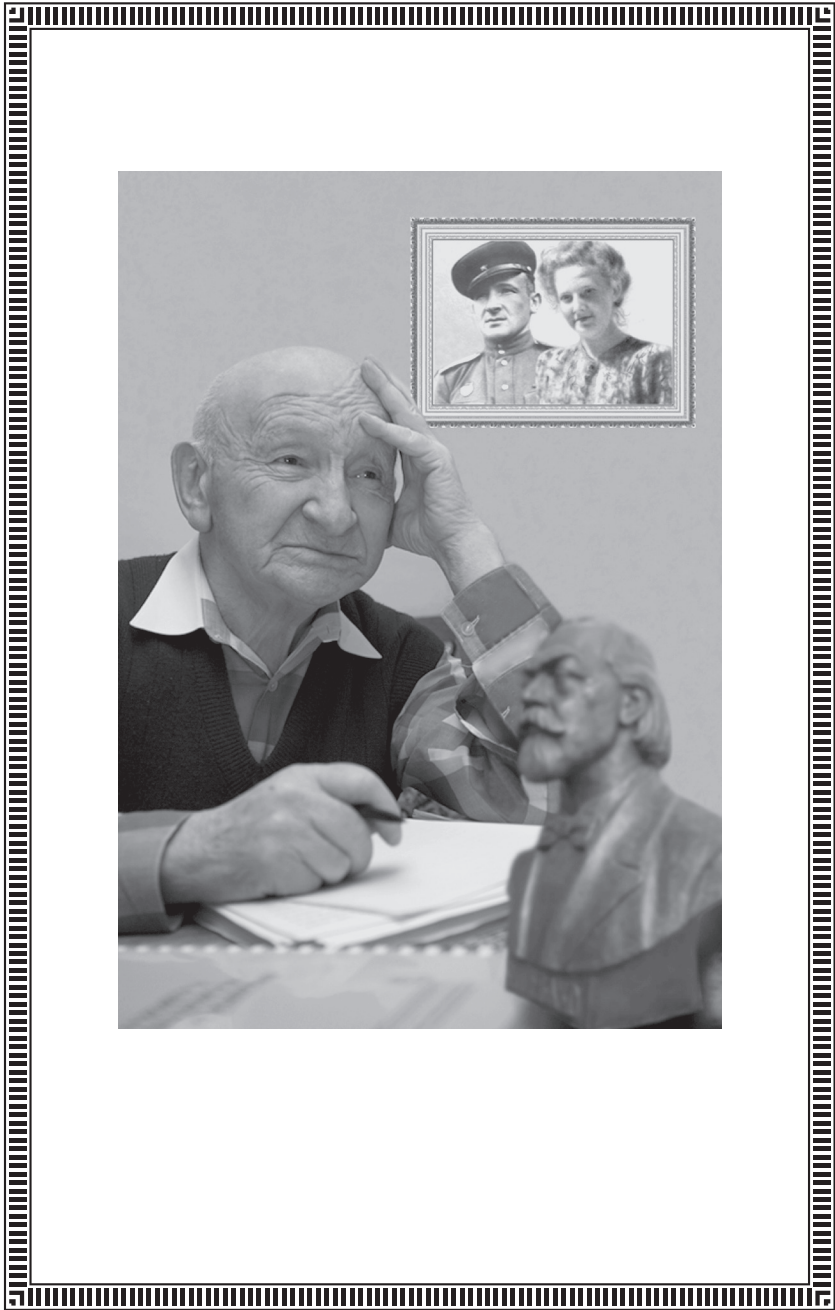
Тихий вечер где-то на вокзале,
Станции перрон, взорванный вагон.
В проходящий эшелон гляжу
И вижу

Привет:

Вижу знакомый родной силуэт,
Синий берет, синий жакет,
Темная юбка, девичий стан,
Справа в кармане наган.
Танечка, Таня, Татьяна моя,
Помнишь ли звездное лето это,
Как же мы можем с тобой позабыть,
Всё, что пришлось пережить?
Я столицу часто посещаю,
И со сцены как-то выступая,
В городском саду, во втором ряду,
Прямо предо мной, гляжу
и вижу.

Привет:

Вижу знакомый родной силуэт,
Синий берет, синий жакет,
Прямо на сцену с улыбкой глядит,
Орден в петлице блестит.
Танечка, Таня, Татьяна моя,
Помнишь ли звездное лето это,
Как же мы можем с тобой позабыть,
Всё, что пришлось пережить?

О «НЕПОДГОТОВКЕ» К ДЕЛУ И ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЯХ

Опыт русских дореволюционных ораторов свидетельствуют о том, что даже самые тонкие мысли, самые убедительные доводы можно облекать в очень несложную и всем понятную форму. Можно приводить множество примеров, уже ставших «классикой жанра». Скажем, дело о покушении на питерского генерал-губернатора Трепова. Вера Засулич, знаменитая революционерка, была оправдана. Конечно, это был нонсенс. Но суд присяжных оправдал ее, хотя она не отрицала, что пришла к Трепову на прием, держа в сумочке револьвер с намерением убить его. А поводом к этому послужило распоряжение генерал-губернатора о телесном наказании студента, содержащегося в Петропавловской крепости. Эта история с поркой студента просочилась на страницы газет. И вот Вера Засулич решила убить генерал-губернатора.

И она была оправдана. Оправдана! Конечно, был принесен протест, был отменен приговор. Но Веры Засулич уже не было к тому времени в стране. Когда суд вынес оправдательный приговор, толпа подхватила ее на руки, и она в тот же день умчалась из России. Вот такое дело.

А защищал ее молодой адвокат Александров. Он начал свою речь на процессе никому неизвестным молодым адвокатом, а закончил — знаменитейшим защитником. Его речь есть во многих сборниках. Смысл ее заключался в том, что каждый человек решает по-своему проблемы, иногда даже государственные. При этом он может обманываться... В общем, Александров свел свою мысль к тому, что это было заблуждение, молодая женщина не владела собой, попав во власть этих своих размышлений, этих доводов.

В вольном изложении все эти тезисы, конечно, не звучат. Но речь, произнесенная Александровым, оказалась столь убедительной, что ее одной было достаточно, чтобы присяжные вынесли оправдательный вердикт.

О чём это говорит? О том, что судебному оратору следует избегать всяких красотостей. Чувство меры — очень нужное качество. Образованный человек говорит нормальным языком, стараясь не допускать каких-то там оборотов, упрощающих всё и вся.

Я всегда старался говорить просто, чтобы суд и судья меня поняли. Речь идет не только о юридических догмах, но и о самой материи происшествия.

Например, по делам об автоавариях — это очень актуально. Человек видит, как промчавшаяся машина сбила пешехода, и совершенно искренне говорит: «Она мчалась с такой скоростью, с такой ужасной скоростью». А когда начинают определять скорость по формуле (с учетом остановочного и тормозного пути, коэффициента сцепления тормозов, времени реакции водителя и т.д.), то выясняется, что машина ехала со скоростью 40–45 км в час и никакого лихачества в том не было. А вот стоящему на обочине человеку, особенно, пожилому, кажется иначе.

Вот здесь мы упираемся в вопрос оценки показаний обвиняемого, свидетелей, потерпевших. Однажды я поинтересовался количеством диссертаций, написанных только на тему свидетельских показаний. И пришел в ужас: таких диссертаций было море.

В 1904 году один австрийский ученый исследовал деятельность водителей трамвая (или конки) на предмет того, как реагирует водитель на появляющуюся опасность — преграду, человека. Как он, какие меры он может принять для того, чтобы избежать наезда на человека. Это очень серьезное и одно из первых такого рода исследований. Вот это не лишено интереса и сегодня. Способен ли свидетель правильно понять то, что он видел?

Надо сказать, что адвокат обязан принять все меры разоблачения лжеца, который оговаривает его подзащитного. Таких лжецов в процессе бывает немало. Ну почему бы не переложить свою вину на другого?

Проверка доказательств — это очень непростое занятие, особенно, если речь идет о свидетельских показаниях. По идее, свидетель — лицо, не заинтересованное в исходе дела. В связи с этим подвергать сомнению его показания очень сложно, но еще сложнее его допрашивать, выясняя, не содержат ли его показания

внутренних противоречий. Задавая вопрос, адвокат, какgross-мейстер, должен в уме проиграть всю последующую партию, предвидя, какими будет ответ. Если предугадать нельзя, то не стоит задавать вопрос вообще. У неопытного адвоката такое, к сожалению, бывает не так уж и редко: он получает такие ответы, которые лишь усугубляют вину его подзащитного.

Я не считаю себя большим мастером судебного допроса. Право задавать вопросы свидетелю меня всегда сильно смущало. Кто он, этот свидетель, добросовестный ли человек, не обработан ли он так, что будет говорить как все?

«Мелочи» могут определить судьбу обвиняемого. Однажды, очень давно, по назначению суда я участвовал в деле о хищении муки с мельницы. Всё было очень плохо, суд был настроен явно обвинительно. А защищал я директора мельницы. Мой подзащитный, находившийся под стражей, сказал:

— Ошибается покупатель, не я ему отпускал муку, а мой заместитель. Вы посмотрите на него, он будет по делу свидетелем проходить, мы с ним очень похожи.

Я спросил своего подзащитного:

— Вы в цехе ходите в том же костюме, что и в своем кабинете?

— Нет, конечно, — ответил он, — у меня свой белый халат, остальные же одеты в синие халаты.

Кстати, покупатель сказал, что ему отпускал муку человек в синем халате. Допрашивая в заседании заместителя, я был просто поражен его внешним сходством с директором.

— Вам приходилось отпускать муку?

— Ну, конечно.

— Но в данном случае не вы отпускали?

— Нет, что вы!

— А кто?

— Я не знаю...

— А у вас спецодежда есть, ведь производство-то грязное?

— Разумеется, есть.

— Что, белые халаты всем выдают?

— Почему белые? Синие.

Суд не придал значения этому «пустяку», и мой подзащит-

ный был осужден. Я написал кассационную жалобу, да и, признаться, забыл о ней: дело-то по назначению, никто ко мне больше не обращался. И вдруг звонок из суда:

— Товарищ адвокат, по вашей жалобе отменили приговор.

При новом рассмотрении дела директор был оправдан. Поэтому будьте внимательны к деталям, к тому, какие доказательства приводятся, и нет ли в них противоречий.

И вообще, хотя я и боюсь употреблять высокие слова, но адвокатское мастерство можно иногда сравнить с искусством. Всё в тех же сборниках речей адвокатов приводятся интереснейшие диалоги защитника с потерпевшим, со свидетелями.

Есть мастера судебного допроса, есть. Но я, к сожалению, не отношу себя к их числу, да и не один я такой. Я знаю одного старого, очень хорошего адвоката, который говорил:

— Я в допрос пытаюсь не влезать, чтобы не получить Бог знает какой ответ. Уже того, что есть, достаточно, чтобы каким-то образом проанализировать, не вступая в допрос.

Эта точка зрения, как мне кажется, тоже не совсем верная. Допрос бывает иногда очень важен.

Подвергай всё сомнению! Ты читаешь дело и видишь показания свидетеля. А кто этот свидетель? А можно ли ему доверять как лицу, не связанному со стороной обвинения или с потерпевшим, или человеку, который является вроде бы свидетелем происшествия, но сам он слеп или глух?

У Евгения Винокурова есть замечательное стихотворение «О свидетелях»:

*Не доверяйте очевидцам,
Их собранным в гармошку лбам,
Их улыбающимся лицам...
И далее:
Он тряпочкой поверхность вытер,
А думает, что в глубь залез.
Ему казалось, раз он видел,
То значит, так оно и есть!*

Поэзию Винокурова сегодня вспоминают не так уж часто. Но это стихотворение очень любопытно. Не доверяйте очевидцам!

Конечно, в суде я не позволял себе не только такие поэтические строки, но и любые другие. Иногда, когда душа просила привести какое-то четверостишие, я всё равно себя держал в руках, считая, что это судебная аудитория — это не та аудитория, в которой уместны лирические отступления и поэтические вольности.

Исход, результат по делу, конечно, зависит от характера дела, но и «мелочи» важны. Среди моих коллег есть очень педантичные люди, мне приходилось участвовать с такими адвокатами в процессе, я искренне восхищался их трудолюбием, внимательным отношением к деталям. Сам я не педант. Иногда поздно спохватываюсь: как же я раньше не обратил внимания на такую важную деталь, — и пусть задним числом, но старался всё-таки проанализировать. Возможно, где-то я на этом и терял. Но, мне кажется, больше я терял из-за излишней эмоциональности. Всё-таки защитник в суде должен менее всего быть подвержен чувствам. В общем, я никогда не был особенно удовлетворен собой, поэтому мне трудно отыскивать в памяти удачно проведенные дела.

Как я уже упоминал, адвокат был допущен на предварительное следствие лишь в 1971 году. Вот после того, как этот закон, допустивший адвоката на предварительное следствие, стал действовать, мне приходилось пару раз сталкиваться с такой ситуацией, когда в суде мне говорили:

— Товарищ адвокат, вы вот говорите о том, что следователь допустил такие-то нарушения, почему вы не говорили это на следствии?

Должен сказать, что это всегда болезненный упрек. Я не отношусь к тем защитникам, которые склоны устраивать ловушки для следователей, хотя такие адвокаты есть. Как сказал один мудрец: «Я отношусь к тем людям, которые хлебом называют хлеб, а вином вино», — потому если я что-нибудь замечал на следствии, то не держал это как булыжник за пазухой, чтобы в удобный момент метнуть в следствие. Но раз или три у меня были ситуации, когда я был вынужден оправдываться, почему я, дождавшись суда, подверг критике следствие. В большинстве случаев это было вызвано тем, что следователь мне говорил:

— Ну и что? Хотите заявлять ходатайство — заявляйте. И не думайте, что вам удастся меня поколебать.

Я в таком случае, как и многие адвокаты, говорил:

— Ну, хорошо, в суде посмотрим.

И иногда в суде, действительно, удавалось посмотреть с нормальной позиции, что это было за следствие. Но в принципе адвокат должен в предварительном следствии использовать те права, которыми он обладает. Иначе был бы бессмысленным сам по себе факт допуск адвоката к предварительному следствию. Хотя и нельзя смотреть на должностных лиц того же предварительного следствия так, словно все они, если что и делают, так только умышленно нарушают права человека. Такая, я бы сказал, злобная позиция адвоката не конструктивна. Следователь может что-то не понимать, но и адвокат может в чём-то ошибаться. Я уж не говорю о том, что отвратительны попытки подловить следователя на чём-либо, чтобы потом с помощью таких спекуляций добиться положительного решения.

По одному делу, детализировать которое я сейчас не хочу, следователь мне сказал:

— Вот видите пистолет по делу, обвиняемые (их было двое, я защищал одного из них) его купили.

— Но кто из них?

— Ну, это дело другое. Я хотел бы знать, ваш подзащитный признаёт, что был пистолет?

По сути обвинения глупо было бы этого не признать. Я говорю:

— И что тогда?

— Если он признает, что видел пистолет, я изменю ему меру пресечения: освобожу из-под стражи.

— Хорошо, я поговорю со своим подзащитным.

Тот мне говорит:

— Я, конечно, видел. Ну, а он меня и вправду освободит?

Я говорю:

— Ну, думаю, что он не должен бросаться такими словами.

При допросе, на вопрос о пистолете, он ответил, что видел. И следователь тут же, при мне, вынес постановление об освобождении.

дении из-под стражи. И человек этот до суда еще три месяца гулял на свободе, а потом всё-таки его посадили, но важен сам факт — следователь выполнил свое обещание.

Таким образом, отношения адвоката и следователя не обязательно должны быть конфликтными. Понятно, что следователь (представитель государства) и адвокат (представитель гражданина) стоят на разных позициях. Один, расследуя дело, обязан установить виновность и указать перстом на виновного. Второй должен всё подвергать сомнению, отрицая виновность. Но это не значит, что адвокат и следователь — непримиримые враги. По большому счету, только в борьбе двух мнений может родиться истина. Конечно, если это противоборство приобретает недопустимые формы, то истина погибает, так и не родившись.

М. А. Гофштейн

К вопросу о самостоятельности позиции адвоката

В этой статье хотелось бы остановиться на одной из актуальных проблем совершенствования защиты по уголовным делам. Речь идет о преодолении проявляющейся всё чаще в работе некоторых адвокатов, особенно пришедших в коллегиию в последние годы, пассивности в осуществлении защиты.

Разумеется, адвокатская практика накопила массу положительных примеров. Грамотное и умелое использование адвокатом законных средств защиты приводит часто к изменению предъявленного обвинения, смягчению ответственности, а иногда и к полной реабилитации подзащитного. Надо полагать, дальнейшее расширение сферы процессуальной деятельности адвоката будет способствовать уменьшению числа судебных ошибок и повышению качества правосудия. Однако надо откровенно признать, что в нашем профессиональном багаже имеется и немало примеров прямо противоположного толка.

Иногда адвокаты мирятся с ущемлением прав их подзащитных, некритически подходят к признанию обвиняемых, принимают это признание без анализа других имеющихся в деле материалов и, в частности, заявлений обвиняемых о незаконных методах ведения следствия. Известны случаи отказа от спора с обвинением, когда обвиняемый отрицает свою виновность в преступлении, факты немотивированного отказа от обжалования приговоров, изменяемых впоследствии по жалобам самих осужденных.

Мы далеки от мысли возлагать ответственность за собственные недостатки, а порой и недобросовестность в работе адвокатов на кого-либо, кроме самих адвокатов и органов адвокатского самоуправления. И всё же нельзя не сказать о некоторых ошибочных взглядах и представлениях, затрудняющих деятельность защиты важной гарантии установления истины и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

М. был привлечен к уголовной ответственности и осужден за кражу государственного имущества с проникновением в хранилище. Адвокат, защищавший М. в суде, не оспаривая квалификации содеянного, считал приговор правильным и справедливым, кассационной жалобы не подал; приговор обжаловал сам осужденный. В своей жалобе он повторил доводы, которые приводил на предварительном следствии и в суде: хищение не требовало «проникновения», ибо площадка, на которой лежали предметы кражи, не была даже огорожена. Обвиняемый ссылаясь при этом на некоторые имевшиеся в деле доказательства, исследованные судом. Адвокат придерживался другого мнения по поводу фактических данных. Он считал их недостаточными для опровержения обвинения в этой части. Рассматривая дело в кассационном порядке, областная суд признал жалобу осужденного обоснованной, изменил квалификацию содеянного и существенно снизил наказание.

Президиум коллегии адвокатов признал, что адвокат совершил тяжкий дисциплинарный проступок. Его вину президиум усмотрел в отказе принять и надлежащим образом обосновать перед судом позицию подсудимого. Адвокат, по мнению президиума, не только оставил М. без надлежащей защиты, но действовал фактически во вред своему подзащитному.

Между тем подобная порочная практика получает «теоретическое» оправдание в концепции, согласно которой адвокат-защитник как самостоятельная фигура в процессе не связан позицией обвиняемого. Позицию адвоката, по мнению сторонников этой концепции, определяет его собственное внутреннее убеждение, основанное на всесторонней оценке материалов дела, а вовсе не отношение обвиняемого к предъявленному обвинению.

«Разумеется, было написано в одном из комментариев, защитник советуется с подзащитным, учитывает его доводы и соображения, но окончательное решение он принимает самостоятельно и полностью несет ответственность за него». Упоминание об ответственности адвоката носит здесь чисто платонический характер. Не всегда случаи, подобные описанному, становятся известны. От того, что адвокат понесет дисциплинарную ответственность, неправильно осужденному не станет легче. Да и за что, спрашивает-

ся, при такой постановке вопроса наказывать адвоката? За неправильную оценку доказательств? Вряд ли можно в этом усмотреть признаки дисциплинарного проступка. За несовпадение позиции защитника с конечными выводами судебных инстанций? Но если идти по этому пути, надо наказывать адвокатов и тогда, когда суды не разделили их просьб об оправдании подзащитного. За неподачу кассационной жалобы? Но осужденный решил не обращаться к адвокату с такой просьбой, предпочитая действовать самостоятельно вместо того, чтобы уговаривать защитника, который занял иную позицию. Выходит, адвокат ни в чём не виноват, и вся эта история с неправильным осуждением его клиента не имеет к нему никакого отношения? К такому выводу можно прийти, следуя логически упомянутой концепции.

Не могут служить аргументами в этом плане ссылки на «самостоятельное положение защитника М.Г. в процессе, независимость от необоснованных и незаконных требований обвиняемого.

Защитник безусловно, самостоятельная фигура в процессе. Он наделен комплексом прав и полномочий по представлению и исследованию доказательств, уравнивающих его в этом отношении с обвинителем. Он вправе предпринимать по собственному почину от своего имени определенные процессуальные шаги. Ни следователь, ни прокурор, ни суд, ни органы адвокатского самоуправления не вправе предписать адвокату тот или иной образ действий по конкретным уголовным делам. Занимаемая адвокатом позиция по делу, как на это неоднократно указывали высшие судебные органы, не может служить поводом для вынесения частного определения судом. Круг обязанностей адвоката-защитника и объем его правомочий достаточно ясно и полно регламентированы процессуальным законом.

Однако процессуальная самостоятельность адвоката и независимость его позиции от подзащитного вовсе не одно и то же.

Вопрос этот не нов. О двух точках зрения на уголовную защиту писал А.Ф. Кони, ссылаясь на Квинтилиана. Вопрос этот не столь уже и прост и решается по-разному. Он имеет, по крайней мере, два аспекта правовой и этический. Возражения противников независимости позиции адвоката от обвиняемого аргументируют-

ся обычно соображениями этического порядка.

С точки зрения профессиональной этики расхождение в позиции между защитником и его подзащитным, отрицающим свою виновность, недопустимо, ибо определяющим в их отношениях является элемент доверия.

Понимая это, сторонники независимости позиции адвоката видят выход в том, что обвиняемый «вправе отказаться от защитника», не разделяющего его позицию. Но как поступать в том случае, когда и другие приглашенные для защиты адвокаты будут придерживаться того же мнения, что и отвергнутый адвокат? На этот вопрос ответа мы не находим.

Некоторые авторы считают возможным для адвоката в подобной ситуации отказ от защиты, несмотря на запрет, установленный законом. Создается парадоксальная ситуация: действия защитника, непозволительные с точки зрения процессуальной, с этической точки зрения как будто бы вполне допустимы. Такой дуализм нам представляется теоретически необоснованным и неоправданным интересами практики. Необходимо, по-видимому, в связи с этим остановиться на вопросах чисто процессуального характера.

Нельзя забывать, что право на защиту вовсе не отвлеченное правовое понятие. Это право конкретного физического лица на защиту от конкретного, предъявленного ему обвинения. Это гарантированная обвиняемому возможность, опровергать обвинение всеми предусмотренными в законе средствами и способами и добиваться той меры справедливости, которую он считает правильной. Этому праву корреспондирует совокупность норм, обязывающих государственные органы обеспечить беспрепятственное осуществление защиты обвиняемым. Таким образом, право на защиту носит личностный характер, является личным правом гражданина.

Представляется, что можно было бы условно выделить три взаимосвязанных аспекта права на защиту: право на защиту как гарантированная обвиняемому возможность лично оспаривать обвинение; право на защиту как гарантированная обвиняемому возможность воспользоваться помощью адвоката; право на защи-

ту как гарантированная возможность оградить свои права от нарушения любым лицом, в том числе и защитником.

В данном случае нас интересует последний аспект. Используя все предусмотренные законом средства и способы для выяснения благоприятных для обвиняемого обстоятельств, адвокат должен исходить из обязательного для этой профессии правила, аналогичного правилу, установленному для врача: не вредить. Защитник не должен подразделять в данном случае интересы обвиняемого на законные и незаконные.

Поясним это примером. Соккрытие обвиняемым от государственных органов другого совершённого им преступления есть, безусловно, незаконный его интерес. Адвокат же, которому эти сведения стали известны в связи с осуществлением защиты от самого обвиняемого, его родственников или из других источников, не только не вправе по собственной инициативе поделиться полученной им информацией, но и не может быть допрошен об этих обстоятельствах. Согласно Закону, он не вправе разглашать сведения, сообщенные ему доверителем в связи с оказанием юридической помощи.

Закон, таким образом, надежно защищает обвиняемого от использования адвокатом своей осведомленности ему во вред, закон охраняет тайну общения адвоката со своим подзащитным, предоставляя защитнику право на свидание наедине. Эти положения закона представляют собой важнейшие гарантии прав личности в уголовном процессе.

Не менее важной гарантией является правило, согласно которому адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты обвиняемого. Возможны ситуации, когда под влиянием информации, поступившей из непроцессуальных источников, представление адвоката о виновности подзащитного коренным образом изменяется. Но и в подобных случаях адвокат не может отказаться от защиты. Он не только не вправе использовать свою информированность во вред подзащитному, но и прямо обязан в силу односторонности выполняемой им функции максимально использовать предусмотренные законом средства и способы для выяснения всего, что оправдывает обвиняемого или смягчает его

ответственность.

«Как для врача в его практической деятельности, пишет А.Ф. Кони, не может быть дурных и хороших людей, заслуженных и незаслуженных болезней, а есть больные, страдания, которые надо облегчить, так и для защитника нет чистых и грязных, правых и неправых дел, а есть лишь даваемый обвинением повод противопоставить доводам прокурора всю силу и тонкость своей диалектики...» Эти слова не устарели и сегодня.

Совет обвиняемому отказаться от защитника, не разделяющего его позиции, на практике приводит к весьма нежелательным эксцессам. Сошлемся на уже опубликованный пример. Однажды президиум коллегии адвокатов получил письмо суда о том, что адвокат Л. склонила подсудимого отказаться от ее помощи в процессе, «так как она не разделяет его позицию на предварительном следствии». Адвоката не устраивало отрицание обвиняемым своей вины. Она считала, что его вина подтверждается собранными по делу доказательствами. По мнению адвоката, обвиняемому следовало бы признать себя виновным. Только в этом случае она считала возможным для себя выполнить возложенное на нее поручение по защите.

Считая, что адвокат Л. неправильно понимает свои задачи в процессе, суд писал: «Защитник необходим не для того, чтобы излагать суду свой личный взгляд на дело, а для извлечения из материалов дела всего того, что свидетельствует в пользу подсудимого. Поведение адвоката Л. лишает подсудимого права получить юридическую помощь в судебном процессе, что не соответствует целям и задачам судопроизводства». Суд расценил действия адвоката как отказ от принятой на себя защиты обвиняемого.

В данном случае имел место скрытый отказ адвоката от порученной ему защиты обвиняемого. Но если бы инициатором отказа от помощи защитника был сам обвиняемый, то и в этом случае вряд ли можно было бы признать позицию адвоката оправданной. В самом деле, из чего исходила адвокат, заявляя, что она не может поддержать позицию обвиняемого? В основе этого отказа лежит мнение, наиболее ярко выраженное в риторических вопросах. «Как защищать, какие обстоятельства и правовые аргу-

менты положить в основу защитительной позиции, когда вопреки доказательствам и основанному на них убеждению адвоката подсудимый отрицает вину?» «Будет ли законным, а следовательно, и нравственно объяснимым ходатайство адвоката оправдать подсудимого при несомненной его виновности?»

Итак, позиция адвоката здесь опирается на два основных соображения: убедительность собранных доказательств виновности обвиняемого и нравственный запрет защищать «неправое дело». Эта позиция перекликается с мнением считающих, что защитник независим «от необоснованных и незаконных требований обвиняемого», а позицию свою определяет «по внутреннему убеждению, основанному на всесторонней оценке материалов дела».

Внутреннему убеждению адвоката о виновности обвиняемого в этих рассуждениях придано такое же значение, какое имеет внутреннее убеждение для следователя, прокурора и суда. Это неверно. Специфика выполняемых защитником задач, односторонность его функции лишает внутреннее убеждение адвоката той определяющей роли, какую оно играет в деятельности должностных лиц следствия и суда.

Если мы обратимся к УПК, то не найдем защитника в числе тех лиц, которых закон обязывает принимать решения по своему внутреннему убеждению. Это обстоятельство прямо связано с особенностями процессуального положения защитника. Поэтому ставить позицию адвоката в зависимость от его собственного представления о виновности подзащитного, не совпадающего с утверждениями самого обвиняемого, означало бы приносить установленные законом гарантии защиты в жертву субъективному мнению защитника. Такой подход вреден для правосудия. Это и понятно. Внутреннее убеждение представляет собой категорию субъективную, и в силу этой своей природы таит в себе возможность ошибки. Научные исследования показывают, что во многих случаях, когда адвокаты игнорировали утверждения своих подзащитных об их невиновности, невиновность последних всё же была установлена. Позиция же защиты способствовала совершению судебной ошибки.

«Как защищать» обвиняемого в том или другом конкретном

случае это вопрос не столько процессуальный, сколько профессиональный. Об этом ясно, лаконично, верно по существу писал М.С. Строгович: добросовестный и квалифицированный адвокат всегда найдет, что сказать в пользу обвиняемого. Адвокату следует кропотливо, тщательно, настойчиво работать над делом, руководствуясь тем девизом исследователя, который когда-то выдвинул К. Маркс: «Всё подвергай сомнению». При этом надо исходить из того, что адвокат-защитник в большинстве случаев не в состоянии добыть позитивные доказательства невиновности. Да это и не требуется для спора с обвинением. Недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности обвиняемого. Если адвокат указывает на фактические данные, опровергающие выдвинутое против его подзащитного обвинение, суд обязан исследовать эти обстоятельства.

В распоряжении адвоката находятся различные средства, с помощью которых он спорит с обвинением. Он может, в частности, обращать внимание суда на недостаточность доказательств, положенных в основу обвинения; указывать на неисследованность версии, опровергающей или ставящей под сомнение версию обвинения; опровергать обвинение путем критики лежащих в его основе доказательств; доказывать факты, несовместимые с теми, которыми обосновано обвинение. Выбор способа действий зависит от защитника, который должен учитывать доказательственную ситуацию по делу. Адвокат должен исходить прежде всего из того, что он не судья своему подзащитному, отрицающему вину, что он не вправе выступать против презумпции невиновности, являющейся основой права на защиту, основой самого участия защитника в процессе. Реализация права на защиту вообще возможна «только при условии, что весь уголовный процесс с момента появления в нём обвиняемого опирается на презумпцию невиновности».

Возвращаясь к вопросу о незаконных и необоснованных требованиях обвиняемого, следует подчеркнуть, что защита обвиняемого ни при каких обстоятельствах не может превращаться в защиту преступления. Адвокат не может по просьбе обвиняемого прибегать к незаконным методам защиты, чуждым нашему процессу. Из деятельности защитника совершенно исключены подта-

совка фактов, их искажение, подговор свидетелей или постановка им наводящих вопросов и т.п. Подобные незаконные притязания обвиняемых должны быть отвергнуты безусловно и категорически. Если расхождение между обвиняемым и его защитником вызвано отказом защитника двигаться кривыми путями неправды, то такое расхождение является правильным и вполне естественным. Адвокат в этом случае должен лишь добросовестно выполнять свой долг. Что же касается стремления осужденного доказать свою невиновность или добиться смягчения наказания, то называть такой интерес обвиняемого незаконным и на этом основании отказывать ему в защите было бы неправильно. Такой взгляд означал бы существенное ущемление статуса обвиняемого как личности, управомоченной на собственное суждение о своей виновности и о мере справедливости.

Любая процессуальная концепция должна служить делу правосудия, иначе она лишена смысла. Система же взглядов, способная ориентировать адвокатов только на осторожничанье, пассивность при осуществлении защиты, неприемлема. Кажущаяся принципиальность здесь оборачивается бесхребетностью и беспринципностью. «Опасность для правосудия не столько в усердии защитника, сколько в излишней вялости, пассивности, осторожности защиты».

Логика рассуждений приводит комментаторов к прямому призыву защитника «убедить обвиняемого в необходимости дать правдивые показания, разъяснить ему, что чистосердечное раскаяние является смягчающим обстоятельством, а при безуспешности разъяснить обвиняемому его право на приглашение другого защитника или на отказ от защитника». Это опасная рекомендация. Адвокат, конечно же, должен познакомить обвиняемого с тем, какие обстоятельства признаются по закону смягчающими его ответственность. Однако он никак не должен переходить на платформу соглашательства с обвинением, склонять обвиняемого к признанию. Если адвокат будет действовать подобным образом, то он не сможет вскрыть ошибок обвинения, доказать несостоятельность обвинительной версии, т.е. выполнить свою основную задачу.

Очень точно это подметил А.Я. Сухарев, который высказал убеждение: «Какую бы противоречивую позицию ни занимал обвиняемый, какими бы ни казались очевидными и достоверными доказательства его вины, святая обязанность адвоката до конца выполнить свой профессиональный долг. Если подсудимый не признаёт себя виновным, защитник не вправе избрать противоположную позицию и превратиться в обвинителя».

Михаил Александрович Гофштейн, адвокат

Защита Гариной

*Речь адвоката М.А. Гофштейна
(Московская областная коллегия адвокатов)*

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДЕЛА

Акушер-гинеколог Гарина была предана суду по ч. 3 ст. 116 УК РСФСР по обвинению и производстве незаконного аборта, повлекшего тяжкие последствия для потерпевшей Тавровой.

Не оспаривая виновности Гариной в производстве незаконного аборта, защита ставила вопрос о квалификации действий подсудимой по ч. 1 ст. 116 УК, отрицая наличие причинной связи между действиями врача и наступившими последствиями.

Народный суд Черемушкинского р-на г. Москвы разделил позицию защиты и осудил Гарину по ч. 1 ст. 116 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком в 2 года.

ДЕЛО О НЕЗАКОННОМ АБОРТЕ

Товарищи судьи!

Обвинительное заключение по делу врача Гариной начинается описанием истории отношений ее пациентки, двадцатилетней Тавровой, со студентом Якимовым. Это, видимо, закономерно.

Мы знаем теперь, что все разговоры с Гариной об оказании помощи Тавровой, все просьбы и мольбы самой Тавровой начались с изложения этой истории. И ведь именно история эта заставила в конце концов сердце врача Гариной дрогнуть, ослепила жалостью, привела к забвению и благоразумия и заповедей врачебной клятвы.

Поистине, жалость — дурной советчик. Врач не имеет права на жалость к больному, когда эта жалость вредит его здоровью. Уроки настоящего дела еще раз напоминают об этом.

История отношений Тавровой и Якимова не так уж, впрочем, сложна. Была любовь, по крайней мере, с одной, страдающей и пострадавшей стороны. Ее отголоски живы и сегодня в каждом слове Тавровой. Была молодость с присущей ей неопытностью и тем неумением посмотреть вперед, пристально оглядеться по сторонам, которые мы, старшие, с позиций житейского практицизма часто именуем бездумностью.

Словом, история эта относится к числу тех, о которых говорят: «Это не ново, и это никогда не устареет».

Потом появилась горечь разочарования в человеке, не готовом к большой любви. Так Нина Таврова, сделав однажды открытие, которое миллионам женщин приносит радость, почувствовала себя самой несчастной из людей. Мысль о беременности приводила ее в ужас.

Потому что, помимо всего прочего, была трудная семья, где годами жил страх перед ее главой. Тавровой страшно было даже подумать, что случится, если отчим узнает обо всем. Показания потерпевшей, ее матери и подруги, медицинской сестры Судаковой, дают представление об обстановке, царившей в доме Тавровых.

Гуманный закон, отменив запрещение аборт в нашей стране, предоставил женщине самой решать, быть ли ей матерью. Но Таврова не видела для себя возможности воспользоваться этим правом. Аборт был связан с необходимостью оказаться на несколько дней в больнице.

А Таврова, как она объясняла и на предварительном следствии, и в суде, ни под каким предлогом не могла отлучиться из дома хотя бы на сутки.

Решение о прерывании беременности всегда трудное решение для женщины, особенно молодой и не имеющей детей. Для Нины Тавровой оно было трудным вдвойне. Даже естественный страх перед ножом хирурга, даже опасения возможных осложнений отступали на второй план перед страхом огласки, перед боязнью родительского гнева.

Никому, к сожалению, не удалось убедить ее, что в э той ситуации она обязана поступить со всей ответственностью и мужеством взрослого человека.

Таврова мечется, не находя выхода. Ей нужно во что бы то ни стало сделать аборт тайком от домашних, вне больницы. Узнав, что Судакова знакома с акушером-гинекологом Гариной, она увидела в этом спасительный шанс и стала добиваться встречи с врачом. Когда по просьбе Судаковой Гарина осмотрела Таврову и подтвердила шестинедельную беременность, Нина со всей страстью доведенной до отчаяния женщины обрушивает на врача свои мольбы о помощи.

Вы помните, товарищи судьи, эту сцену: «Когда я сказала, показывает Гарина, что вне стен больницы оперировать не буду, что это карается законом, она упала мне в ноги, заплакала так горько, что мне стало жаль эту девочку. Я согласилась».

Эти показания Гариной прямо подтверждаются показаниями Тавровой и косвенно — показаниями свидетеля Судаковой:

Что было дальше вы помните. Таврова немедленно назначает встречу Якимову, просит взять у приятеля ключ от его квартиры, той самой, что служила им приютом и в которой ей предстоит теперь встретиться с врачом. В установленный день Гарина приезжает по указанному адресу. Таврова ждет ее, проделав предварительно все предписанные врачом процедуры. Снова осмотр. Гарина убеждается, что все ее назначения выполнены досконально.

И вот всё позади. Цель достигнута. Кошмар, давивший Нину несколько недель, рассеялся. В прекрасном настроении встречает она Якимова, явившегося к назначенному часу, и вместе с ним садится в такси.

Важно отметить, что сама операция прошла без каких-либо осложнений. Гарина, которой приходится чуть ли не ежедневно оперировать в больнице, не отметила ничего, что могло бы ее насторожить. «Таврова чувствовала себя вполне нормально для человека, только что подвергшегося операции аборта», говорит она. Как вы помните, врач велела Тавровой лежать и дала свой телефон на случай, если самочувствие будет ухудшаться. Телефоном этим Таврова не воспользовалась. Под утро появились сильные боли, и встревоженная мать, ничего не заметившая накануне, вызвала «скорую помощь».

У нас нет сегодня оснований упрекать дежурного хирурга больницы в том, что, осмотрев доставленную в тяжелом состоянии Таврову и заподозрив прободение матки, он принял решение о немедленной операции даже без консультации с гинекологом. Диагноз, к счастью, не подтвердился, но операция, как утверждают медики, была произведена по жизненным показаниям. В одной из фаллопиевых труб был обнаружен так называемый пиосальпинкс (т.е. скопление гноя), и пораженная труба была удалена.

Для предварительного следствия не составило труда установить, совершилось ли преступление, где, когда и кем оно было совершено.

Всё, что написано по данному поводу в обвинительном заключении, рассказано вполне чистосердечно и потерпевшей и обвиняемой. Гораздо сложнее оказался вопрос о том, какое это преступление и как его надлежит квалифицировать. На этот вопрос следствие не смогло, по нашему мнению, дать удовлетворительного ответа.

О случившемся с Тавровой Гарина узнала только, когда ее вызвали к следователю. Теперь ей стало понятно молчание Нины, ее отсутствие на работе, куда обеспокоенная Гарина в конце концов позвонила.

Гарина была потрясена. Как врачу ей многое было неясно, и прежде всего причина возникновения у Тавровой осложнения. Вы знаете показания Гариной по этому поводу, знакомы с заключением экспертов.

Дело в том, что пиосальпинкс не может развиваться в такой короткий срок, наличие его свидетельствует о перенесенном в прошлом заболевании. Таврова же казалась здоровой. Гарина осматривала ее так же тщательно, как всегда осматривает пациенток в больнице. Она опрашивала ее подробно. Операцию производила с соблюдением принятой методики и всех антисептических правил. Это подтвердили сегодня и эксперты, допрошенные в суде.

Многое хотелось бы проверить Гариной, о многом спросить экспертов, в числе которых она, врач, рассчитывала увидеть призванных авторитетов гинекологии.

Как мы знаем, ей тогда это не удалось. В нарушение ст. 184 УПК РСФСР следователь не разъяснил Гариной, которой к тому

времени уже было предъявлено обвинение в производстве незаконного аборта, ее прав при назначении и производстве экспертизы, и лишил ее таким образом возможности реализовать права, закрепленные ст. 185 УПК, в частности право поставить эксперту дополнительные вопросы.

Но если бы Гарина и смогла поставить волновавшие ее вопросы, вряд ли на них был бы получен научно обоснованный ответ.

Пункт 12 Инструкции о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР исходит из особой сложности экспертного исследования действий медицинского персонала.

Инструкция предписывает проведение исключительно комиссионных экспертиз с участием соответствующих специалистов по всем делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников.

Следователь поручила проведение экспертизы единолично судебно-медицинскому эксперту Бекиной.

В постановлении следователя по данному поводу было сказано, что нет необходимости назначать комиссионную экспертизу, ибо врач в этом случае «не исполняла свои служебные обязанности».

Но ведь действовала-то она как врач; в противном случае ей было бы предъявлено обвинение по части 2 той же статьи, предусматривающей ответственность лиц, не имеющих высшего медицинского образования.

Вместо того чтобы обратить внимание следователя на ошибочность его позиции, эксперт, обязанный по долгу службы знать Инструкцию, взяла на себя смелость дать заключение.

На разрешение эксперта было поставлено три вопроса: о сроке беременности Тавровой к моменту производства аборта, о том, явилась ли произведенная Тавровой в больнице хирургическая операция следствием криминального аборта и имеются ли у потерпевшей тяжкие последствия криминального аборта.

Вопросы, как видите, просты, и ответы, полученные на них, были так же просты и недвусмысленны.

Вмешательство с целью прерывания беременности, по мнению эксперта, повлекло за собой внесение инфекции в полость

матки и осложнение, потребовавшее оперативного вмешательства и удаления правой трубы матки. Осложнение это должно рассматриваться как тяжкое последствие внутриматочного вмешательства.

Именно это заключение послужило основанием для предъявления Гариной нового обвинения, обвинения в производстве незаконного аборта, повлекшего тяжкие последствия, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 116 УК РСФСР.

Формула обвинения почти дословно повторила заключение эксперта.

Лишь при ознакомлении с материалами законченного следственного производства Гарина и ее защитник получили возможность высказать свое мнение о заключении эксперта и ходатайствовать о назначении повторной, на сей раз комиссионной, экспертизы.

Эта просьба была вызвана не только соображениями формального порядка, не только необходимостью получить согласованное мнение нескольких специалистов, как это предусмотрено действующими нормами права, но и тем, главным образом, что некоторые вопросы Гариной, о которых мы уже упоминали, не получили в заключение эксперта никакого освещения.

Во-первых, аборт был произведен, как говорят, абсолютно чисто. Гарина была уверена в том, что принятые ею меры исключали возможность внесения инфекции.

Во-вторых, сальпингит, то самое воспаление, которое на следующий день после аборта привело Таврову в хирургическое отделение больницы, само по себе не возникнет в столь короткий срок, он уже был у Тавровой. Производство аборта лишь вызвало его обострение, что могло быть и в условиях стационара.

Правда, в ответах Тавровой на вопросы врача о так называемом анамнезе не было ни слова о перенесенных ею заболеваниях или каких-то болезненных ощущениях. Но ведь Таврова могла не сказать всей правды.

А как же врачебный осмотр перед абортom? Проведенный со всей тщательностью, он мог и не выявить болезненный процесс, если он и был. Однако в том-то и дело, что есть болезни, которые

обычный осмотр не обнаруживает. Не было ли здесь чего-либо подобного?

Эти вопросы требовали не только медицинского, но и правового истолкования.

Обязательным условием ответственности за производство незаконного аборта, повлекшего тяжкие последствия, является наличие необходимой причинной связи между совершёнными врачом действиями и наступившими тяжкими последствиями.

Из этого следует, что врач не может нести ответственность за наступление тяжких последствий, если они были вызваны не внебольничными условиями производства аборта, а чем-либо иным, например, скрыто протекавшим в организме женщины болезненным процессом.

Как видите, товарищи судьи, вопросы чисто медицинского свойства, волновавшие врача Гарину, имели существенное значение для дела.

Предварительное следствие удовлетворило наше ходатайство, и сегодня в распоряжении суда заключение комиссии в составе высокоавторитетных ученых.

«Необходимо отметить, говорят они, что такие осложнения могут возникнуть и при производстве аборта в условиях гинекологического стационара, если у больных имел место какой-либо скрыто протекавший хронический воспалительный процесс половых органов».

Отмечая редкость подобных осложнений и отвечая на вопрос о возможности обнаружения таких заболеваний при тщательном осмотре врачом-гинекологом, эксперты говорят, что им «известны случаи, скрыто протекающего воспалительного процесса половых органов, который может быть не распознан врачом.

Говоря откровенно, заключение экспертов не удивило Гарину. Горы перечитанной ею литературы, сотни просмотренных историй болезни привели ее к подобным же выводам.

Самое удивительное и неожиданное для всех участников процесса произошло сегодня здесь, в зале суда, при допросе Тавровой. Вы помните, как после некоторого замешательства, вызванного очень неудобным для нее вопросом эксперта, потерпевшая

призналась, что скрыла от Гариной многие болезненные ощущения, постоянно преследующие ее на протяжении нескольких лет. Их характер, как сказали специалисты, не оставляет сомнений в болезни Тавровой.

Не внесенная врачом инфекция, а именно уже бывшая, существовавшая у Тавровой болезнь поставила ее на грань катастрофы.

Кропотливый труд всех участников процесса, заинтересованных в установлении истины по делу, принес свои плоды. Вы обладаете сейчас, товарищи судьы, полной и достоверной осведомленностью обо всех фактах уголовного дела Гариной, в том числе о самых главных и сложных его обстоятельствах, связанных с профессиональной деятельностью врача. Вы можете выносить приговор.

Мы знаем, что это будет обвинительный приговор, ибо Гарина совершила преступление, позволив себе выйти из стен больницы навстречу просьбам, неуважительность которых была очевидна.

Мне остается только сказать еще несколько слов о мотивах, которые руководили подсудимой. Надо снять с подсудимой, товарищи судьы, еще одну тень, небрежно брошенную на нее обвинением. Я говорю «небрежно», ибо то, что написано в формуле обвинения по данному поводу, вряд ли является плодом мучительных раздумий. Речь идет о корысти. В формуле обвинения сказано, что Гарина произвела незаконный аборт, получив за это от потерпевшей 5 рублей.

Нет необходимости доказывать, что не из-за этой ни с чем не сообразной суммы, достаточной лишь для оплаты проезда в такси, совершила она недозволенное.

Ведь и Таврова и Якимов рассказали подробно, как Гарина деликатно, но решительно отклонила все их попытки уплатить ей за услуги, как сунула она незаметно в карман пальто Тавровой положенные на стол деньги, как мать Тавровой нашла эти деньги у нее в одежде. «Пять рублей были оставлены мною, сказала Гарина, для оплаты такси и то потому, что там не было меньшей купюры».

Вряд ли можно подобным образом обращаться с доказательствами. Способ обращения с ними должен удовлетворять не только наш ум, но и нашу совесть.

Я надеюсь, товарищи судьи, что ваш приговор отвергнет обвинение Гариной по ч. 3 ст. 116 УК РСФСР, а избранное ей наказание по ч. 1 этой статьи не будет связано с лишением свободы.

Об этом просит вас и коллектив больницы, где работает Гарина, где знают ее как опытного специалиста и как душевного человека и где уверены в том, что случившееся никогда не повторится.

Содержание

I. О М.А. Гофштейне

Награды и благодарности	5
Вступление.	6
Е.В. Семеняко Михаил Александрович Гофштейн.	8
Г. О. Резник Михаиле Гофштейне — с любовью	9
Ефимов Л.В.	12
А.И. Краснокутская Слово о светлом человеке.	13
Н.А. Буянский Воспоминания о Михаиле Александровиче Гофштейне	16
Лемперт Т.	20
С. Володина Он успел!	21
Р.А. Звягельский Военная косточка	23
С.В. Марсанова М.А. Гофштейну.	27
А. Крохмалюк Невозможное возможно	28
Л. Прошак Кофе с экстремальной горчинкой.	33
В. Виркунен Дорогой мой человек	36
Сын своего отца (<i>Интервью с А.М. Гофштейном</i>)	42

II. Поэтическая страница

А.П. Галоганов М.А. Гофштейну	53
Михаилу Александровичу. К 75-летию.	54
Е. Румянцев Михаилу Александровичу Гофштейну в день 80-летия.	55
Синий берет (<i>Песня подольских курсантов</i>).	58

III. М.А. Гофштейн

О «неподготовке» к делу и поэтических вольностях	61
К вопросу о самостоятельности позиции адвоката	68
Защита Гариной	78

ВЫХОДНЫЕ ДАННЫЕ